

Научная статья
УДК 94(470)“1920–1921”
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-194-206-235

Революция 1917 года и Гражданская война на Тамбовщине: состояние и перспективы изучения Часть II. О непосредственных и отдаленных последствиях крестьянского антигосударственного вооруженного протеста

Владимир Львович ДЬЯЧКОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
mayormp@mail.ru

Аннотация. На непрерывных длительных линиях демографической и социографической информации рассмотрен комплекс непосредственных и отдаленных последствий для Тамбовского региона Гражданской войны в целом и крестьянского восстания 1920–1921 гг. в особенности. В части демографического наследия показаны как прямые безвозвратные потери тамбовской популяции (гибель от комплекса подавляющих причин, добровольная и принудительная эмиграция из региона, падение рождаемости, деформация половозрастного баланса, крушение населенности СНП и т. д.), так и опосредованные пролонгированные процессы подавления и деградации субрегиональных агрессивных сельских популяций, попавших под «антоновщину» и ее подавление (социальное поражение мятежных субрегионов с последовавшим снижением их социокультурного уровня и большими потерями во Второй мировой войне, меньшая ожидаемая продолжительность жизни, большая заболеваемость). Особое внимание уделено сравнительной эволюции антропометрических показателей мужских частей популяций всех российских регионов и тамбовских субрегионов в зависимости от степени их конкретного поражения Гражданской войной. Показано отрицательное воздействие «антоновщины» и ее подавления на общекультурную советскую активность («производительность») мятежных субрегионов. Методика и результаты исследования общероссийского и тамбовского регионального материала обильно представлены графически.

Ключевые слова: прямые и косвенные демографические потери, социальное поражение, антропометрия, продолжительность жизни, маркеры социального наследия «антоновщины»

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ по проекту № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.».

Для цитирования: Дьячков В.Л. Революция 1917 года и Гражданская война на Тамбовщине: состояние и перспективы изучения. Часть II. О непосредственных и отдаленных последствиях крестьянского антигосударственного вооруженного протеста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 194. С. 206-235. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-194-206-235>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-194-206-235

The Revolution of 1917 and the Civil War in the Tambov region: state and research prospects. Part 2. On the immediate and long-term consequences of the peasant anti-state armed protest

Vladimir L. DYACHKOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
mayormp@mail.ru

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](#)
Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](#)
© Дьячков В.Л., 2021

Abstract. On continuous long lines of demographic and sociographic information, a complex of immediate and distant consequences for the Tambov region of the Civil War as a whole and especially the peasant uprising of 1920–1921 is considered. In the part of the demographic heritage we show, both direct irreversible losses of the Tambov population (death from a complex of suppressive causes, voluntary and forced emigration from the region, a drop in fertility, deformation of the age and gender balance, collapse of the population of the rural settlements, etc.) and indirect prolonged suppression processes and the degradation of subregional aggressive rural populations that fell under the “Antonovshchina” and its suppression (social defeat of the rebellious subregions with a subsequent decline in their socio-cultural level and greater losses in World War II, shorter life expectancy, higher morbidity). Special attention is paid to the comparative evolution of the anthropometric indicators of the male parts of the populations of all Russian regions and Tambov subregions, depending on the degree of their specific defeat by the Civil War. Shows the negative impact of “Antonovshchina” and its suppression on the general cultural Soviet activity (“productivity”) of the rebellious subregions. The methods and results of the study of the all-Russian and Tambov regional material are abundantly presented graphically.

Keywords: direct and indirect demographic losses, social defeat, anthropometry, life expectancy, markers of the social heritage of “Antonovshchina”

Acknowledgements: The research is fulfilled under financial support of Russian Science Foundation grant on the project no. 18-18-00187 “Strategy of Demographical Behavior of Peasantry in the South of Central Russia in the 20th – Early 21st Centuries”.

For citation: Dyachkov V.L. Revolyutsiya 1917 goda i Grazhdanskaya voyna na Tambovshchine: sostoyaniye i perspektivy izucheniya. Chast' II. O neposredstvennykh i otdalennykh posledstviyakh krest'yanskogo antigosudarstvennogo vooruzhennogo protesta [The Revolution of 1917 and the Civil War in the Tambov region: state and research prospects. Part 2. On the immediate and long-term consequences of the peasant anti-state armed protest]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 194, pp. 206-235. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-194-206-235> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Демографическая плата за реализацию социальной агрессии и ее подавление.
Самым простым и прямым способом показа

демографического урона, нанесенного Гражданской войной Тамбовской губернии в целом и ее отдельным субрегионам было бы

наложение на хронологическую шкалу числа рождений и смертей, и отрезок «большой войны» заявил бы о себе провалом прироста так, как это дружно в 1915–1920 гг. продемонстрировала российская Прибалтика (рис. 1). Но, к сожалению, тогдашняя российская смута обрывала не только человеческие жизни, но и жизненную статистику, и в результате переход от церковного метрического к советскому «загсовскому» учету превратился в четырехлетнюю дыру на «самом интересном» месте 1919–1922 гг. Имеющая-

ся (пока?) разрозненная, неполная и поврежденная жизненная статистика рождений, браков, смертей с их причинами по отдельным НП (с. Саюкино, 1921 г.; с. Семеновка, 1920 г.; с. Кузьмина Гать, 1919–1920 гг., пос. Порохового з-да, 1919–1921 гг., с. Б. Ржакса, 1922 г.) чрезвычайно ценна и красноречива, но абсолютно недостаточна для создания необходимых в нашем случае непрерывных линий полной демографической информации на уровнях «СНП – субрегион – регион – макрорегион – страна».

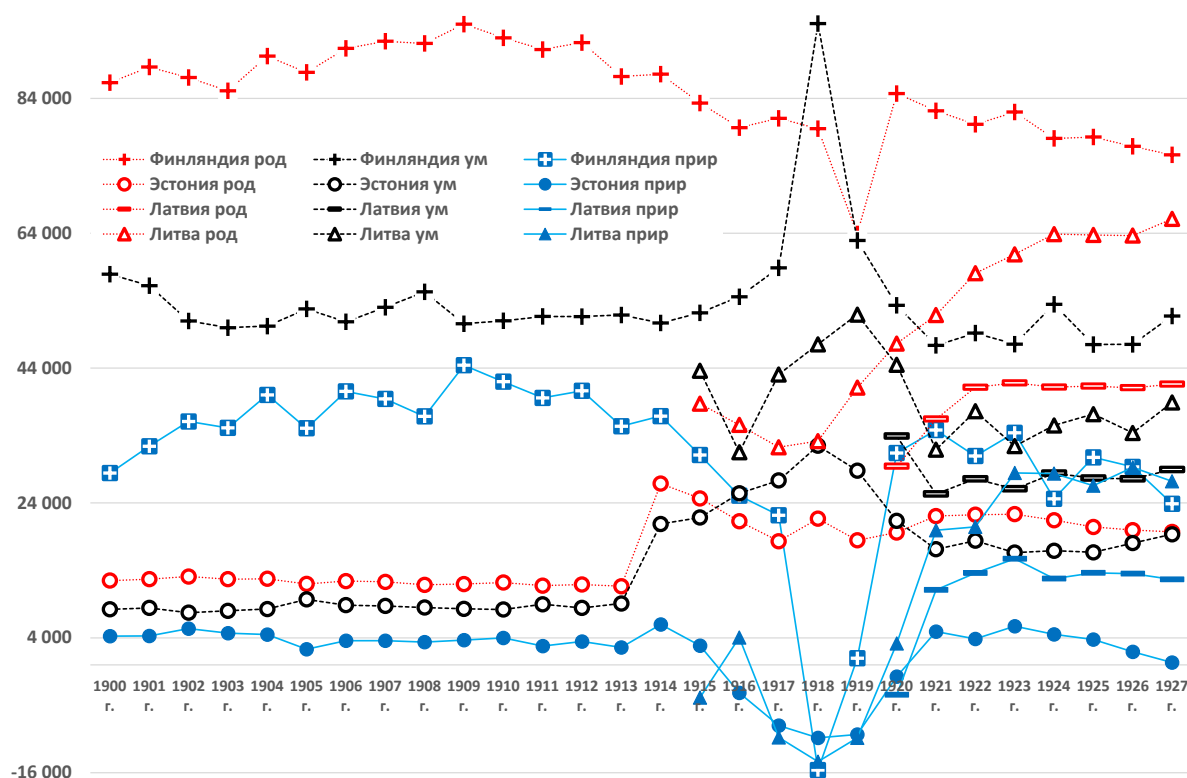

Рис. 1. Жизненная статистика 1900–1927 гг. дореволюционной российской Прибалтики (абс.). Рождения, смерти и прирост населения в Эстонии в 1900–1913 гг. даны по Эстляндской губернии. Замечательно не только дружное падение прироста к общему конкретно-историческому для Прибалтики отрицательному минимуму 1918 г., но и отраженное (в финской и эстонской статистике в данном случае) глобальное (!) эндогенное снижение прироста с мирного 1909 г., усиленное с 1915 г. экзогенным комплексом Первой мировой и Гражданской войн, то есть точно на отрезке 1909–1919 гг. – «малой» ВРФ на переходе от 28-летнего цикла 1885–1912 гг. к циклу 1913–1940 гг.

Fig. 1. Life statistics 1900–1927 pre-revolutionary Russian Baltic (abs.). Births, deaths and population growth in Estonia in 1900–1913 given for the Estland Governorate. It is remarkable not only the amicable drop in growth to the general, concretely historical for the Baltic states, negative minimum of 1918, but also the reflected (in Finnish and Estonian statistics in this case) global (!) endogenous decline in growth since the peaceful 1909, intensified since 1915 exogenous complex of the First World War and the Civil War, that is, exactly on the interval 1909–1919 – “small” VRF on the transition from the 28-year cycle of 1885–1912 to the cycle 1913–1940.

Потому мы используем «зеркала» высокого разрешения – дореформенные ревизии, переписи-замеры 1884 г., 1897 г., 1916 г., 1920 г., 1926 г., 1939 г., БД «политических» репрессий и – главное! – различные учеты, относящиеся к ВОВ, которая в силу небывалой массовости и тотальности обеспечила нас репрезентативными отражениями социально-демографического воздействия и наследия Гражданской войны в полных непрерывных линиях на всех требуемых уровнях.

«Переписное», более чем трехвековое движение населения и баланса М/Ж 45 тамбовских СНП зафиксировало (рис. 2а–2д) следующее.

1. От своего основания и до 1916–1920 гг. все тамбовские СНП явили экспоненциальный рост населения при его более высоких темпах в последней по времени, южной полосе заселения. Первая мировая война и «доантоновская» часть Гражданской войны лишь замедлили рост сельских популяций по совокупности отсрочки браков/рождений в 1915–1917 гг., скачка «военно-революционной» плодovитой эмиграции по различным причинам, роста младенческо-детской и «взрослой» смертности от сопутствовавших времени болезней и умножения очаговых безвозвратных потерь (насильственных смертей) от ПМВ, подавления мятежей осенью 1918 г., действий белоказаков П.Н. Краснова и К.К. Мамонтова, начала большевистских репрессий и роста крестьянского бандитизма.

2. «Антоновщина», ее комплексное подавление, голод 1922 г. и усилившаяся добровольная и принудительная эмиграция повсеместно обрушили населенность СНП и вследствие преимущественных потерь плодovитых мужчин очень чувствительно деформировали половозрастной баланс. Если в замерах 1916 и 1920 г. ни в одном тамбовском СНП М/Ж в плодovитых возрастах не опускался ниже 0,980 (то есть оставление без мужской пары не более 20 женщин из тысячи), то перепись 1926 г. в губернии, «укороченной» к тому времени на четыре северных уезда, в агрегации родившихся в 1866–1906 гг. (то есть тех, кому в 1920–1922 гг. было от 14 до 56 лет)

зафиксировала $M/J = 0,826$, то есть нехватку уже 174 мужчин на каждую тысячу женщин-ровесниц (рис. 3, 4).

Как общая тенденция, молодые активные популяции южной трети губернии, ставшие в 1920 г. «антоновскими», быстрее росли и круче падали с исторических максимумов населенности.

Демографическая катастрофа тамбовского села, запущенная Гражданской войной, продолжилась межвоенным обвалом и «нокаутом» ВОВ, закрепленным послевоенной модернизацией сельской семьи.

3. Добровольная (не только «карьерная», ради повышения качества жизни, но и вынужденная страхом возможных репрессий за «повстанческую» известность в родных местах) эмиграция группы «СНП ТО – СНП ТО» отсрочила неизбежную общую демографическую катастрофу и даже принципиально улучшила состояние двух категорий малого меньшинства тамбовских СНП. Такая счастливая судьба выпала: а) селам, назначенным властью быть на четверть века или доньше сельскими райцентрами и б) селам в «шаговой доступности» к городам. На рис. 2а–2г из таковых попали с. Сосновка, Горелое, Бокино, Покрово-Пригородное, Бондари, 2-я Гавриловка, Ржаксинские Выселки (ныне р.п. Ржакса). Но иллюзий по поводу демографических перспектив подобных СНП быть не должно – основой их метаболизма стало не прежнее расширенное воспроизводство населения за счет его естественного прироста, а «высасывание» готовых молодых семей из сельской округи, исторически стремительно умиравшей в социальном синергизме подавления перенаселенной популяции.

4. Наконец, в самой сердцевине мятежного «демографического мешка» оказались мелкие СНП, населенность которых оказалась почти не поврежденной Гражданской войной и ее комплексным наследием. То были поселки, возникшие в последнем, уже послереволюционном «выдохе» аграрного перенаселения (пос. Искра, Максим Горький, Демьян Бедный, Луч, Красное Знамя, Доброе

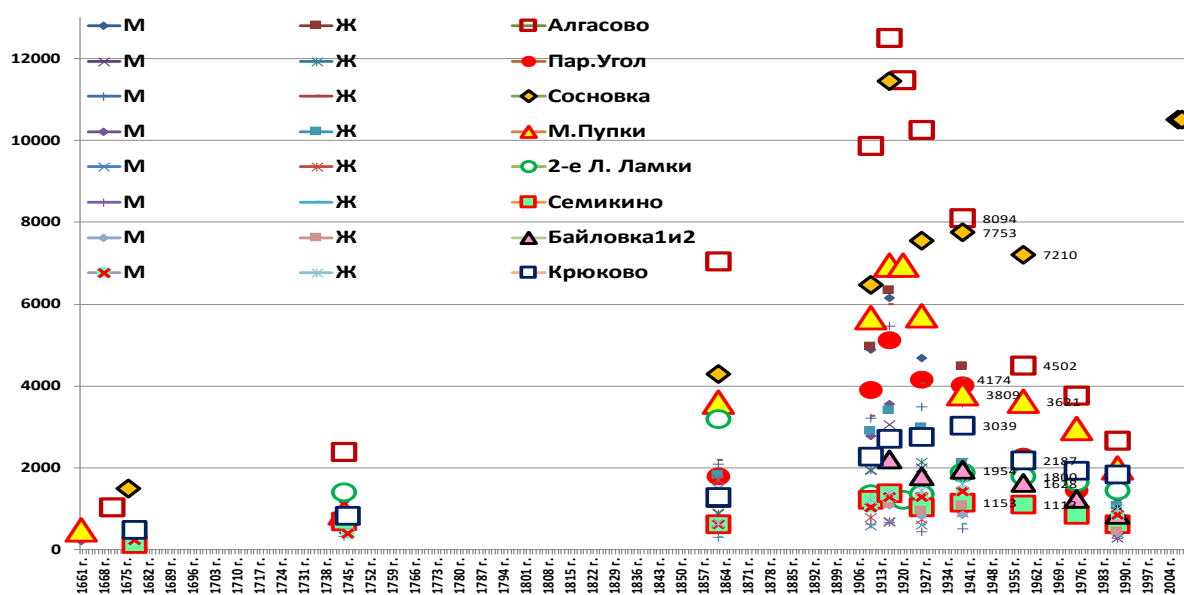

Рис. 2а. Движение в 1661–2011 гг. численности населения и баланса М/Ж отдельных СНП – север Тамбовской обл. (нынешние Моршанский, Сосновский, Пичаевский р-ны, бывшие Шацкий, Моршанский и Козловский уезды Тамбовской губ.)

Fig. 2a. Movement in 1661–2011 population size and M/F balance of individual rural settlements – north of Tambov Region (the current Morshansky, Sosnovsky, Pichaevsky districts, the former Shatsky, Morshansky and Kozlovsky districts of Tambov Governorate)

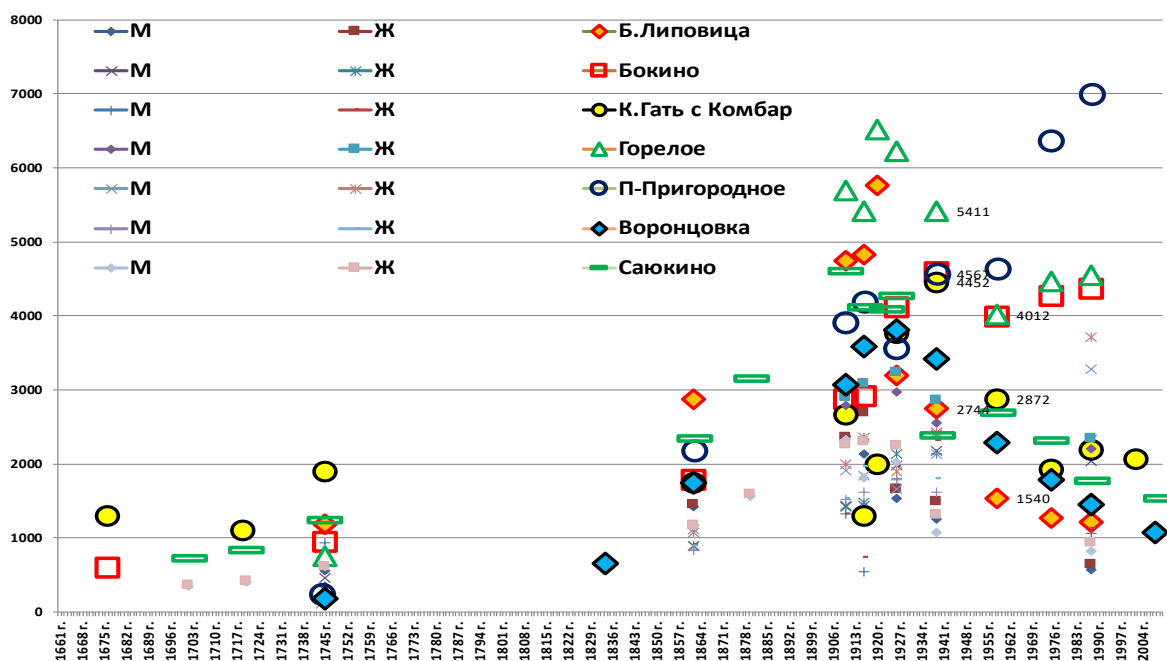

Рис. 2б. Движение в 1661–2011 гг. численности населения отдельных СНП – центр Тамбовской обл. (нынешние Тамбовский, Знаменский, Рассказовский р-ны, бывший Тамбовский уезд)

Fig. 2b. Movement in 1661–2011 population of individual rural settlements – the center of the Tambov Region (current Tambov, Znamensky, Rasskazovsky districts, former Tambov County)

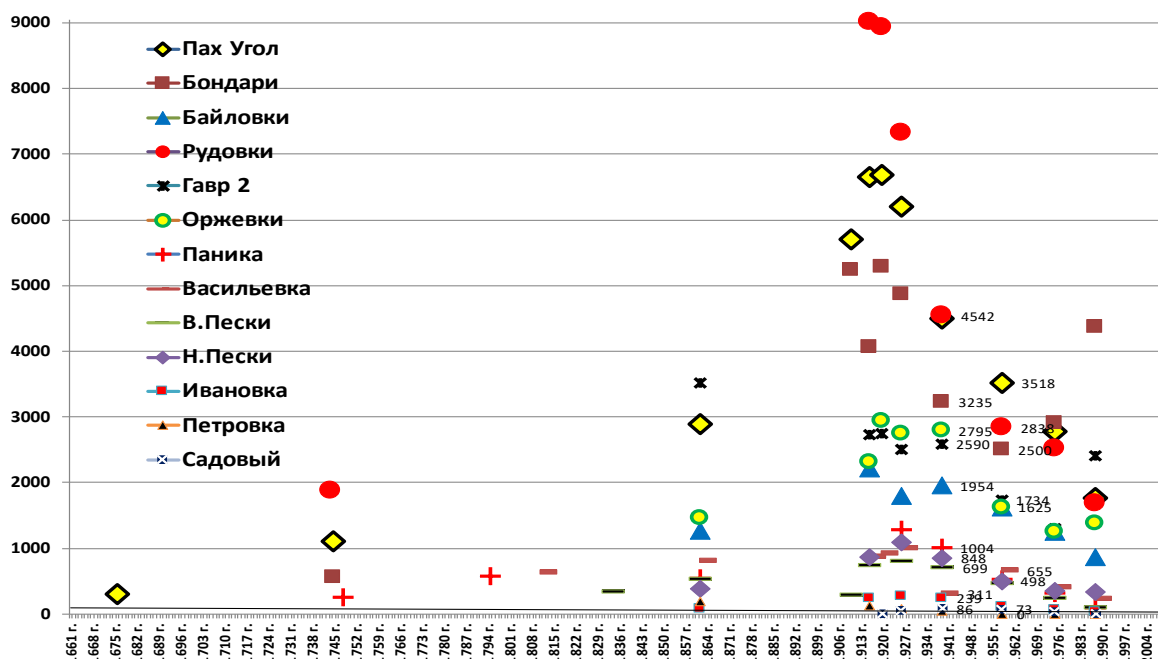

Рис. 2в. Движение в 1661–2011 гг. численности населения отдельных СНП – северо-восток и восток Тамбовской обл. (нынешние Пичаевский, Бондарский, Гавриловский, Уметский р-ны, бывшие Тамбовский и Кирсановский уезды)

Fig. 2c. Movement in 1661–2011 the population size of individual rural settlements – northeast and east of the Tambov Region (current Pichaevsky, Bondarsky, Gavrilovsky, Umetsky districts, former Tambov and Kirsanovsky districts)

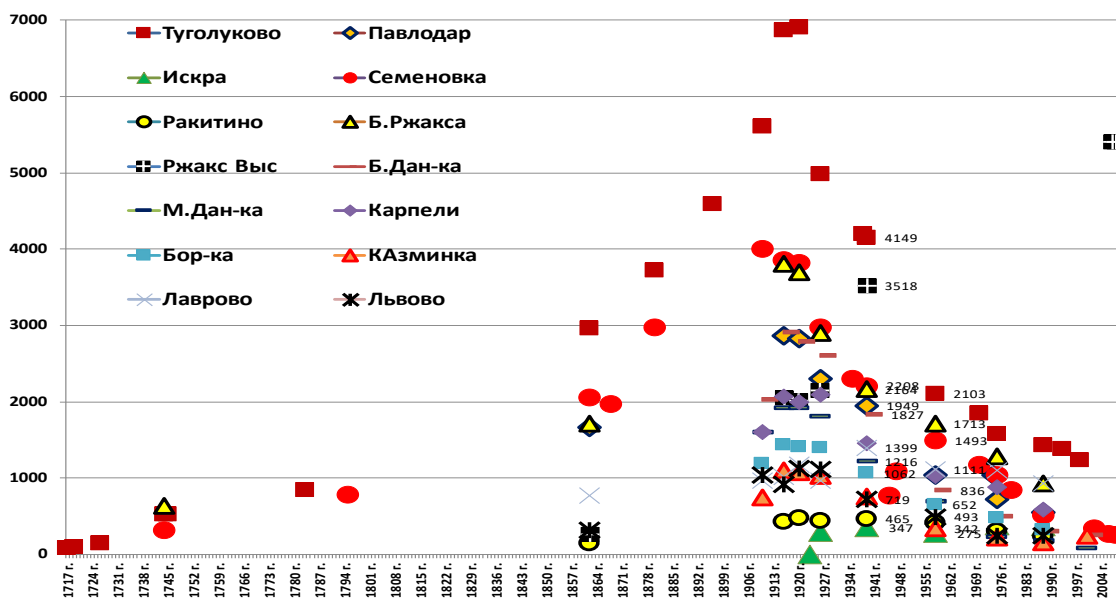

Рис. 2г. Движение в 1717–2011 гг. численности населения отдельных СНП – юг Тамбовской обл. (нынешние Мордовский, Токаревский, Ржаксинский и Жердевский р-ны, бывшие Тамбовский, Кирсановский и Борисоглебский уезды)

Fig. 2d. Movement in 1717–2011 population size of individual rural settlements – the south of the Tambov Region (the current Mordovian, Tokarevsky, Rzhaksinsky and Zherdevsky districts, the former Tambov, Kirsanovsky and Borisoglebsky districts)

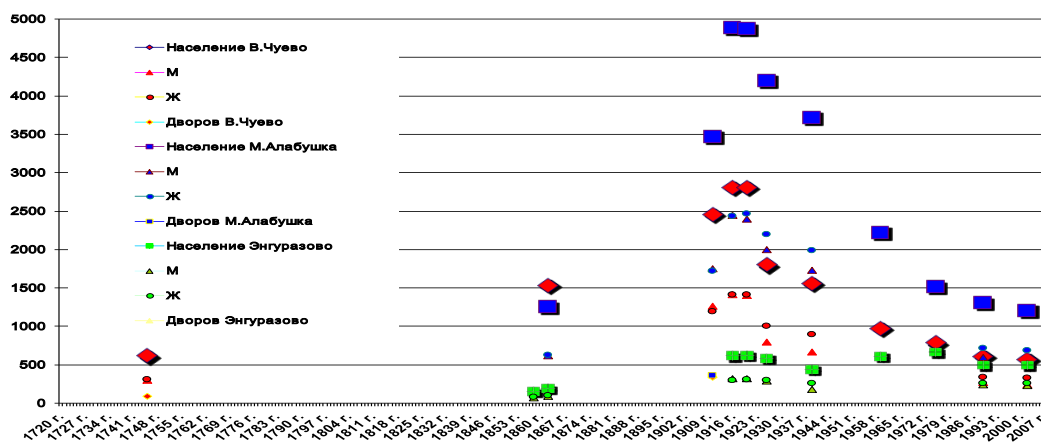

Рис. 2д. Сравнительное движение в 1720–2011 гг. численности населения, баланса М/Ж и числа дворов татарского (д. Энгуразово) и соседних с ним русских (с. Верхнее Чуево и Моисеево-Алабушка) СНП Уваровского р-на Тамбовской обл. (бывший Борисоглебский уезд)

Fig. 2e. Comparative movement in 1720–2011 the size of the population, the balance of M/F and the number of households of the Tatar (village Engurazovo) and neighboring Russians (the villages of Verkhnee Chuevo and Moiseevo-Alabushka) rural settlements of the Uvarovskiy district of the Tambov Region (former Borisoglebsk district)

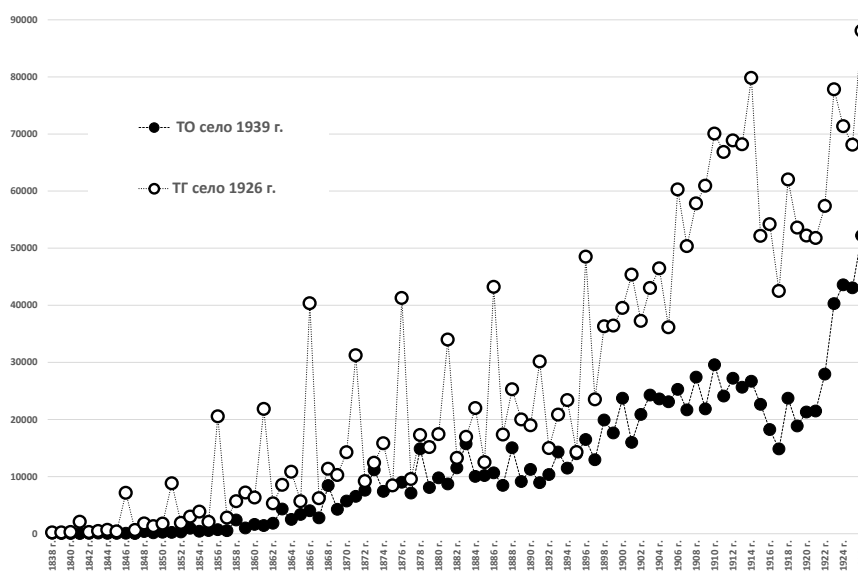

Рис. 3. Фактор «большой войны» 1914–1922 гг. в движении «населенности» лет рождения в 1838–1926 гг. по переписи в Тамбовской губ. 1926 г. и по переписи в Тамбовской обл. 1939 г. (оба пола, абс.). Неизменное превышение показателей 1926 г. над подсчетами 1939 г. вызвано в первую очередь большими размерами Тамбовской губ. «образца» 1926 г. (2428123 человека сельского населения в 1926 г. против 1599442 тамбовских сельских жителей в январе 1939 г.). Очевидная сглаженность подъема на отрезке 1898–1914 гг. рождения в переписи 1939 г. по сравнению с экспоненциальным скачком в переписи 1926 г. ($1914/1898 = 1,34$ в 1939 г. против $2,2$ в 1926 г.) обеспечена массовыми изъятиями в 1927–1938 гг. представителей данных когорт из села (эмиграция в город, стройки первых пятилеток, в РККА, а также репрессии)

Fig. 3. The factor of the “big war” of 1914–1922 in the movement of “population” years of birth in 1838–1926 according to the census in the Tambov Governorate 1926 and according to the census in the Tambov Region 1939 (both sexes, abs.). The invariable excess of the 1926 indicators over the 1939 estimates is primarily due to the large size of the Tambov Governorate “example” of 1926 (2428123 people of the rural population in 1926 against 1599442 Tambov rural residents in January 1939). The obvious smoothness of the rise in the interval 1898–1914 births in the 1939 census in comparison with the exponential leap in the 1926 census ($1914/1898 = 1,34$ in 1939 versus $2,2$ in 1926) was provided by massive seizures in 1927–1938 representatives of these cohorts from the village (emigration to the city, construction sites of the first five-year plans, in the Red Army, as well as repression)

Начало и т. п.) и «примкнувшая к ним» татарская деревня Энгуразово, которая в силу этноконфессиональных особенностей осталась в стороне от «русской драки» (рис. 2д).

Главное в рис. 5: 1) резкое падение в переписи 1897 г. сельского М/Ж в когортах 1870-х гг. рождения за счет соединения эндогенного фактора «женской атаки» 1871–1877 гг. и экзогенного фактора армейского призыва; 2) значительное падение в переписи 1926 г. сельского М/Ж в когортах 1880-х –

начала 1900-х гг. из-за потерь в Первой мировой и Гражданской войнах.

На рис. 6 и в табл. 1, 2 представлены отражения в ОБД «Подвиг народа» (ПН) демографического наследия второй половины и Гражданской войны в целом в европейских регионах Российской империи.

В отличие от ОБД «Мемориал», где представлены десятки миллионов советских граждан, погибших во Второй мировой войне, ОБД «Подвиг народа» состоит из perso-

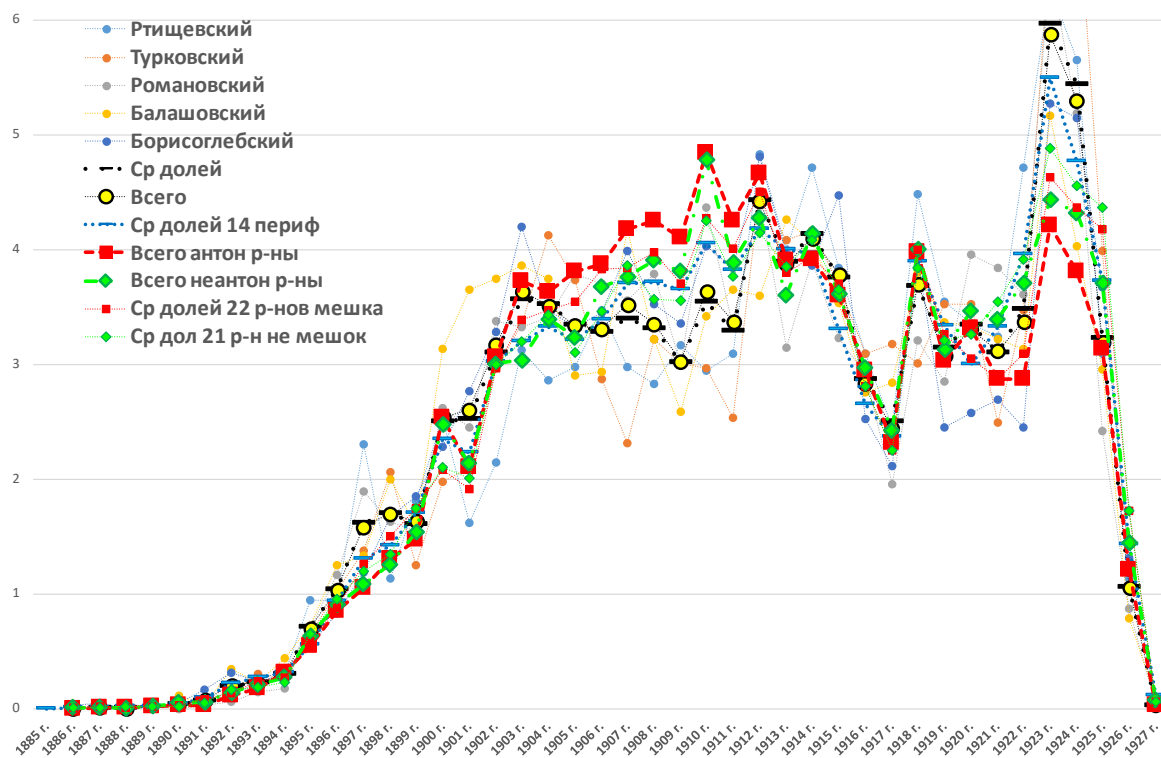

Рис. 4. Демографическая плата за социальную агрессию в разных частях тамбовского «демографического мешка»; доли лет рождения в армейском призыве/потерях ВОВ. В данном отражении «антоновщины» в ОБД «Мемориал» очевиден общий худший демографический итог 1920–1925 гг. (падение прироста в 1920–1922 гг. и послевоенной компенсации 1923–1925 гг.) в мятежных и подавленных субрегионах ТО, меньшее падение прироста при средней компенсации в «неантоновских» субрегионах ТО и среднее падение прироста при высшей компенсации в мятежных, но не подавленных субрегионах Тамбовской и Саратовской губерниях на юго-восточной и южной периферии «демографического мешка» [1]

Fig. 4. Demographic payment for social aggression in different parts of the Tambov “demographic bag”; share of birth years in the army conscription / losses of the Second World War. In this reflection of “Antonovshchina” in the Generalized Electronic Data Bank “Memorial”, the overall worst demographic outcome of 1920–1925 is obvious (decline in growth in 1920–1922 and post-war compensation in 1923–1925) in rebellious and suppressed Tambov Region sub-regions, a smaller drop in growth with average compensation in “non-Antonian” Tambov Region sub-regions and an average drop in growth with higher compensation in rebellious but not suppressed sub-regions of Tambov and Saratov Governorates on the southeastern and southern periphery of the “demographic bag” [1]

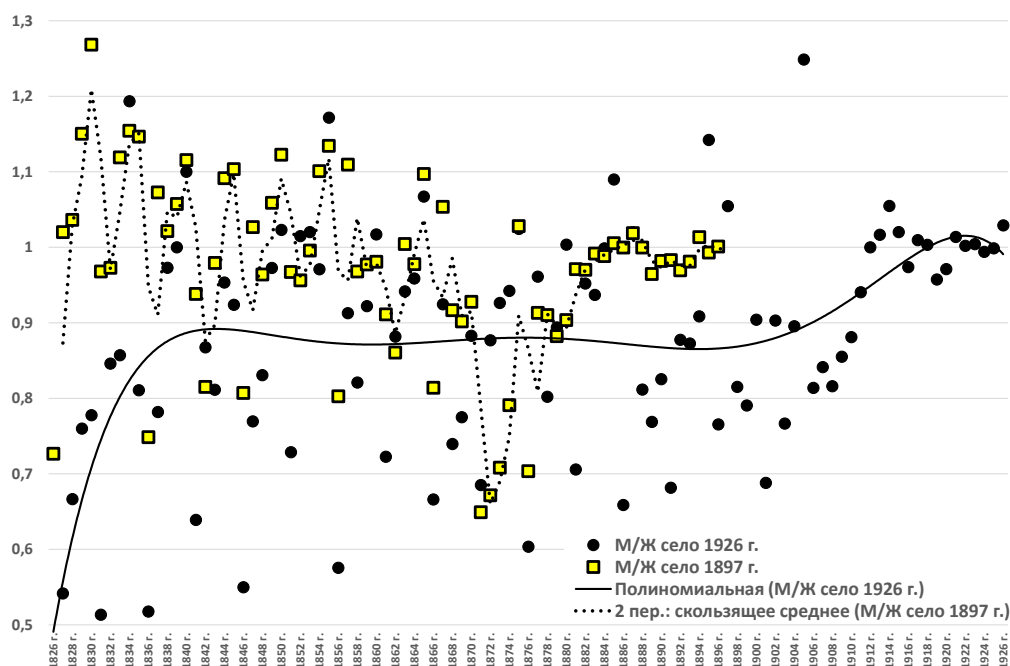

Рис. 5. Движение по 1826–1926 гг. рождения индекса М/Ж в тамбовском селе по переписям января 1897 г. и декабря 1926 г. Резкие ритмичные колебания М/Ж по конкретным годам рождения обеспечены тогдашним стремлением значительной части взрослых и старых респондентов «привязать» свой возраст к ближайшему числу лет, кратному на момент переписи 10-ти или 5-ти при сопутствующем желании не менее значительной части женщин занижению реального возраста (например, «записать» себе 40 лет вместо 41-го, 42-х действительных или 39, 38 лет вместо реальных 40 лет).

Fig. 5. Movement through 1826–1926 birth of the M/F index in the Tambov village according to the censuses of January 1897 and December 1926. Sharp rhythmic fluctuations in M/F for specific years of birth are provided by the then desire of a significant part of adults and old respondents to “tie” their age to the next number of years, a multiple of the moment of census 10 or 5, with the concomitant desire of no less significant part of women to underestimate the real age (for example, “write down” 40 years instead of 41, 42 valid or 39, 38 years instead of real 40).

налий советских военнослужащих, награжденных за подвиги и достойную службу в годы войны орденами и медалями СССР.

Учетная картотека ПН содержит сведения о награждениях, произведенных в военные и первые послевоенные годы, то есть наиболее активный «советский» сегмент Красной армии, включивший как погибших кавалеров (малое меньшинство учетной картотеки), так и ветеранов, доживших до Победы (подавляющее большинство).

Юбилейная картотека ПН составлена из персоналий советских ветеранов, отмеченных орденом Отечественной войны 1-й или 2-й степени на 40-летие Победы в 1985 г. Из-за разных принципов составления списки, линии лет рождений, половые, этнические,

региональные структуры фигурантов этих двух картотек совпадают лишь частично – в юбилейной картотеке нет тех миллионов ветеранов, кто не дожил до весны 1985 г., и вместе с тем в ней представлены «подтвержденные» ветераны, не получившие до 40-летия Победы никаких боевых наград за достойное участие в ВОВ.

В данном и в остальных вариантах работы с картой «большой войны» наиболее пораженные регионы (низшие индексы прироста в 1920–1922 гг. и в 1918–1922 гг. и дожития родившихся в эти годы до 1985 г.) неизменно образуют характерную полосу-дугу концентрации Гражданской войны как социального синергизма подавления наиболее перенаселенных зон.

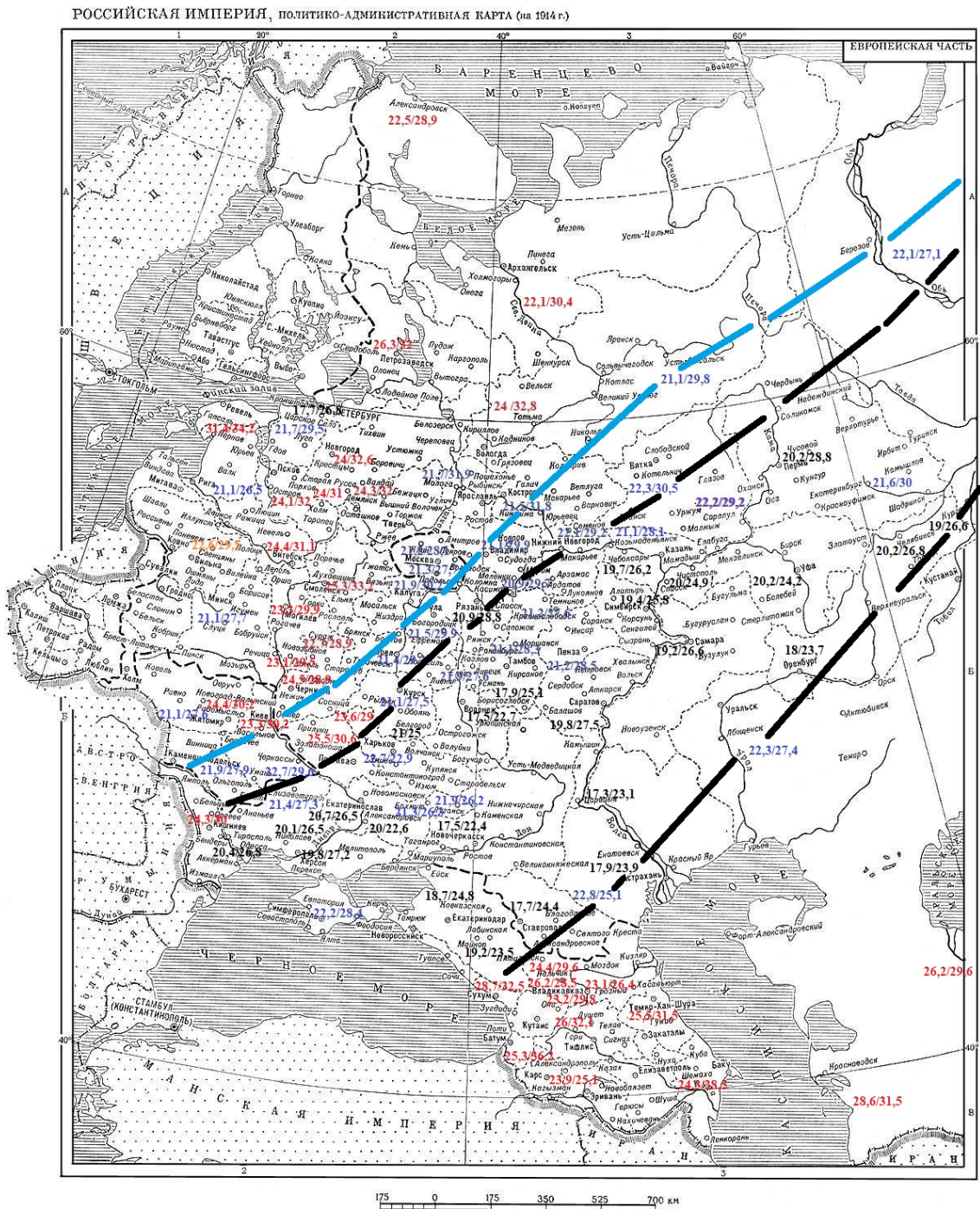

Рис. 6. Доли награжденных ветеранов ВОВ, родившихся в 1918–1922 гг. в регионах Европейской России (% в учетной картотеке ПН / % в юбилейной картотеке ПН)

Fig. 6. Shares of awarded World War II veterans born in 1918–1922 in the regions of European Russia (% in the People's Feat registration card index / % in the People's Feat anniversary card index)

Таблица 1

«Вилки» (мин. – макс.) и средние региональных долей (%) 1918–1922 гг. рождения в макрополосах России-СССР в учетной и юбилейной карточках БД «Подвиг народа» (ПН)

Table 1

“Forks” (min – max.) and average regional shares (%) 1918–1922 birth in the macro-stripes of Russia-USSR in the registration and anniversary card files of the database “People’s Feat” (PF)

Полоса рождения	1918–1922 гг. рожд. в учетной карточке ПН	1918–1922 гг. рожд. в юбилейной карточке ПН	1920–1922 гг. рожд. в учетной карточке ПН	1920–1922 гг. рожд. в юбилейной карточке ПН
Европейский Север – Северо-Запад – Запад – Юго-Запад	20,9–31,4 (ср. 23,1)	25,0–34,2 (ср. 29,8)	12,2–22,9 (ср. 14,6)	17,1–24,2 (ср. 19,8)
<i>Полоса концентрации Гражданской войны</i>	<i>17,5–23,9 (ср. 20,25)</i>	<i>22,4–30,0 (ср. 26,3)</i>	<i>9,6–13,9 (ср. 11,7)</i>	<i>12,1–18,1 (ср. 15,8)</i>
Кавказ – Закавказье – Средняя Азия – Сибирь – Дальний Восток	22,3–29,5 (ср. 25,6)	25,1–36,2 (ср. 30,0)	13,7–19,6 (ср. 16,6)	17,4–24,7 (ср. 20,1)

Таблица 2

Доли (%) 1918–1922 гг. рождения в регионах (область, край, АССР, ССР) России-СССР в учетной и юбилейной карточках БД «Подвиг народа» (ПН) (Регионы полосы концентрации Гражданской войны выделены курсивом)

Table 2

Shares (%) 1918–1922 birth in the regions (Region, Territory, Autonomous Soviet Socialist Republic, Soviet Socialist Republic) of Russia-USSR in the registration and anniversary card files of the database “People’s Feat” (PF) (Regions of the Civil War concentration band are in italics)

Регион рождения	% 1918–1922 гг. рожд. в учетной карточке ПН	% 1918–1922 гг. рожд. в юбилейной карточке ПН	% 1920–1922 гг. рожд. в учетной карточке ПН	% 1920–1922 гг. рожд. в юбилейной карточке ПН
1	2	3	4	5
Мурманск	22,52	28,86	15,44	20,59
Карелия	26,26	31,97	16,76	21,66
Архангельск	22,14	30,45	13,4	20,16
Коми	21,11	29,79	12,19	18,48
Киров	22,26	30,48	13,02	19,26
Вологда	24,03	32,78	15,33	22,5
Город Ленинград	17,69*	26,76*	11,92*	19,21*
Ленинградская обл.	21,74	29,47	14,55	21,02
Новгород	24,01	32,61	16,49	23,23
Псков	24,15	32,02	16,13	21,78
Великие Луки	23,95	31,03	15,75	20,75
Эстония	31,45	34,19	22,91	24,21
Латвия	14,61**	22,09**	9,54**	14,82**
Калинин	24,35	32,01	16,15	22,41
Ярославль	21,68	31,88	13,81	22,05
Кострома	21,68	31,88	13,81	22,05
Н. Новгород	22,08	29,2	12,99	18,65
Владимир	20,98	29,91	13,44	20,29
Иваново	20,98	29,91	13,44	20,29
Город Москва	21,29	27,68	14,87	20,1
Московская обл.	21,16	28,15	14,17	20,0

Продолжение таблицы 2
 Continuation of table 2

1	2	3	4	5
Смоленск	25,31	33,21	16,38	22,55
Витебск	24,4	31,12	15,35	20,8
Литва	22,58	29,53	15,17	21,18
Минск	21,1	27,68	13,41	18,42
Могилев	23,27	29,94	14,68	19,85
Гомель	23,05	29,48	14,86	19,64
Брянск	22,73	28,77	14,27	18,7
Калуга	21,88	30,19	14,01	20,17
Тула	21,88	30,19	14,01	20,17
Орел	23,41	29,34	13,24	18,89
Липецк	21,9	27,6	13,99	17,42
Рязань	20,86	28,76	12,61	18,41
Мордовия	21,2	27,61	12,53	17,07
Сев., Сев.-Зап. ТГ	21,13	28,26	12,58	18,0
Курск	21,13	27,54	12,65	17,34
Белгород	21,04	25,0	13,12	15,18
Чернигов	24,54	28,92	15,19	18,47
Город Киев	24,11	30,45	14,51	19,49
Киевская обл.	23,33	30,23	13,99	19,4
Житомир	24,4	30,22	15,08	19,62
Ровно	21,12	27,64	14,63	18,43
Винница	21,94	27,91	14,09	18,5
Молдавия	24,26	29,96	16,78	21,62
Хмельн (К.-Под.)	29,51	30,97	17,37	19,0
Черкассы	22,67	29,57	14,3	18,46
Полтава	25,5	30,6	15,17	18,98
Сумы	23,63	28,99	14,35	18,31
Город Харьков	24,6	29,8	15,56	19,3
Харьковская обл.	22,73	27,89	13,77	17,34
Тюмень	23,89***	29,06***	11,5	12,12***
Пермь	20,19	28,81	11,26	17,47
Свердловск	21,58	30,01	12,3	18,08
Челябинск	20,23	26,78	11,24	15,77
Томск	23,89***	29,06***	13,85	14,55***
Омск	23,89***	29,06***	13,9	14,61***
Курган	18,97	26,59	10,82	16,19
Ижевск	22,21	29,16	11,99	17,02
Казань	20,0	24,88	10,92	14,41
Чебоксары	19,74	26,19	11,58	16,27
Йошкар-Ола	21,14	28,2	13,13	18,01
Уфа	20,23	24,22	11,15	14,13
Ульяновск	19,31	25,74	10,5	15,09
Самара	19,31	25,74	10,12	15,09
Оренбург	18,05	23,69	9,95	13,98
Пенза	21,22	28,45	12,25	17,67
Сев-Зап. КазССР	21,3	26,3	12,5	16,0
Юг, Ю-Вост. ТГ	17,92	25,15	9,92	14,96
Саратов	19,75	27,53	10,99	16,45
Воронеж	17,49	22,75	9,58	13,19
Волгоград	17,62	23,67	10,55	14,88
Ростов-на-Дону	17,46	22,4	11,21	14,74
Астрахань	17,62	23,67	10,55	14,88

Окончание таблицы 2
End of the table 2

1	2	3	4	5
Калмыкия	22,79	25,11	14,7	17,04
Луганск	21,87	26,21	13,45	16,74
Донецк	21,27	26,31	12,65	16,29
Днепропетровск	20,69	26,5	11,57	15,65
Запорожье	19,96	26,55	10,94	15,56
Херсон	19,79	27,17	11,2	16,68
Николаев	20,09	26,54	12,14	16,92
Кировоград	21,41	27,31	12,75	17,43
Одесса	20,39	26,75	12,27	16,96
Измаил	20,39	26,75	12,27	16,96
Крым	22,07	28,42	12,33	16,85
Кубань	18,69	24,77	11,26	15,73
Адыгея	19,24	23,45	11,37	14,81
Ставрополь	17,75	24,4	11,36	16,24
Орджоникидзе	26,2	28,45	17,32	18,89
Осетия Сев. и Юж.	23,24	29,83	14,52	19,24
Каб.-Балк.	24,38	29,59	16,31	19,54
Чеч.-Ингуш.	23,13	26,41	14,04	17,37
Дагестан	25,47	31,51	16,11	20,64
Абхазия	28,72	32,46	18,72	22,07
Грузия	25,99	32,11	16,12	21,32
Аджария	25,33	36,22	15,66	24,74
Армения	23,9	25,12	16,17	17,36
Азербайджан	24,33	28,51	16,53	20,09
Казахстан	22,31	27,44	13,68	17,57
Киргизия	26,66	30,2	17,84	20,2
Узбекистан	26,22	29,57	17,02	19,53
Туркмения	28,64	31,54	19,14	21,63
Таджикистан	29,05	30,39	19,63	21,26

Примечание: * – Аномально низкие доли г. Петроград (Ленинград) обеспечены соединением фактора резкого сокращения населения северной столицы в годы Гражданской войны и фактора сверхвысокой смертности когорт 1918–1922 гг. рождения в период блокады Ленинграда; ** – Аномально низкие доли в БД «Подвиг народа» когорт уроженцев Латвии 1918–1922 гг. рождения обеспечены их повышенными долями в рядах «буржуазной» армии Латвии до войны и в составе националистических (нацистских) соединений в годы войны при активных боевых действиях, продолжавшихся на территории Латвийской ССР вплоть до лета 1945 г.; *** – Высокие доли когорт, рожденных в целом 1918–1922 гг. в регионах Западной Сибири, при «правильно» низких долях 1920–1922 гг. рождения обеспечены преимущественной концентрацией социально-демографического урона Гражданской войны в рамках Западно-Сибирского восстания 1921–1922 гг.

Помимо этого главного репрезентативного наблюдения, сравнение региональных долей награжденных в учетной и юбилейной картотеках ПН позволяет косвенно судить о некотором «придерживании» во время ВОВ наград для выходцев из регионов концентрации антисоветской вооруженной борьбы времен Гражданской войны: члены когорт, рожденных в 1918–1922 гг. вне полосы Граждан-

ской войны, награждены в 1941–1945 гг. в среднем на 6 % больше (рис. 7–11).

На рис. 12 дано демографическое отражение в ОБД «Подвиг народа» тамбовского «демографического мешка» как концентрации «антоновщины» и ее подавления. Соотношение средних долей 1920–1922 гг. рождения в «антоновских» субрегионах составило 9,92/14,96, в «не антоновских», включая

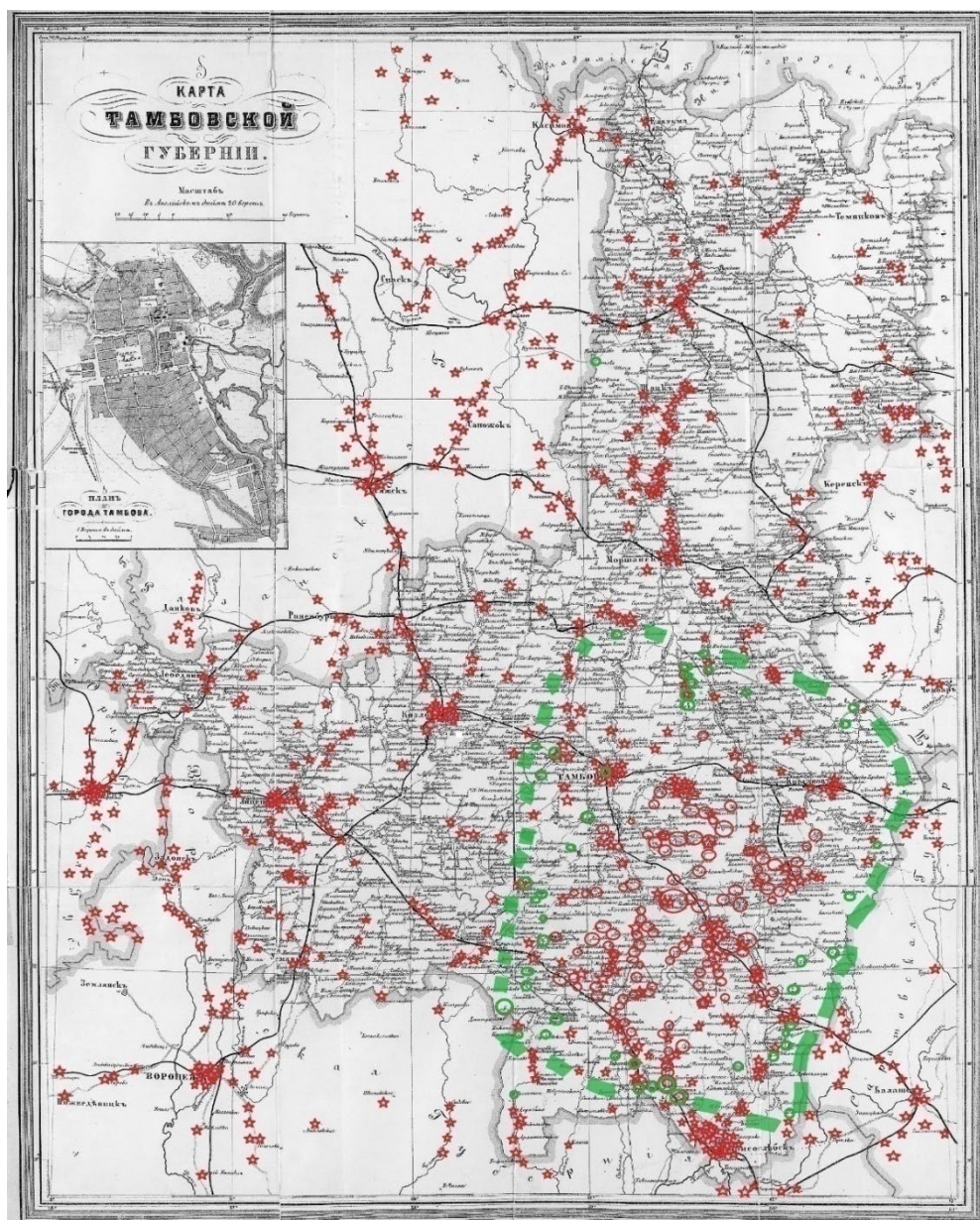

Рис. 7. Места рождения активистов «антоновщины» (кружки) и Героев Советского Союза (звездочки) в Тамбовском регионе. Данная карта демонстрирует корректировку повышенной социальной агрессии в «демографическом мешке» социальным поражением его мятежных районов. Если почти все (кроме 2 человек) из тысяч активистов крестьянских мятежей 1918–1921 гг. родились в зонах восстания (очерчена зеленым пунктиром), отражая повышенную социальную агрессию родных популяций, то по иному, ГСС-маркеру агрессии мятежные и, соответственно, социально пораженные зоны принципиально проигрывают «не антоновским», не пораженным тамбовским и ближним к Тамбовской районам соседних губерний [2]

Fig. 7. Birthplaces of “Antonovshchina” activists (circles) and Heroes of the Soviet Union (stars) in the Tambov region. This map demonstrates the correction of increased social aggression in the demographic bag by the social defeat of its rebellious areas. If almost all (except for 2 people) of the thousands of activists of the peasant uprisings of 1918–1921, were born in the zones of the uprising (outlined with a green dotted line), reflecting the increased social aggression of native populations, then, otherwise, the GSS-marker of aggression is rebellious and, accordingly, socially affected zones are fundamentally out of the “non-Antonovs”, not affected by the Tambov and Tambov districts of neighboring governorates [2]

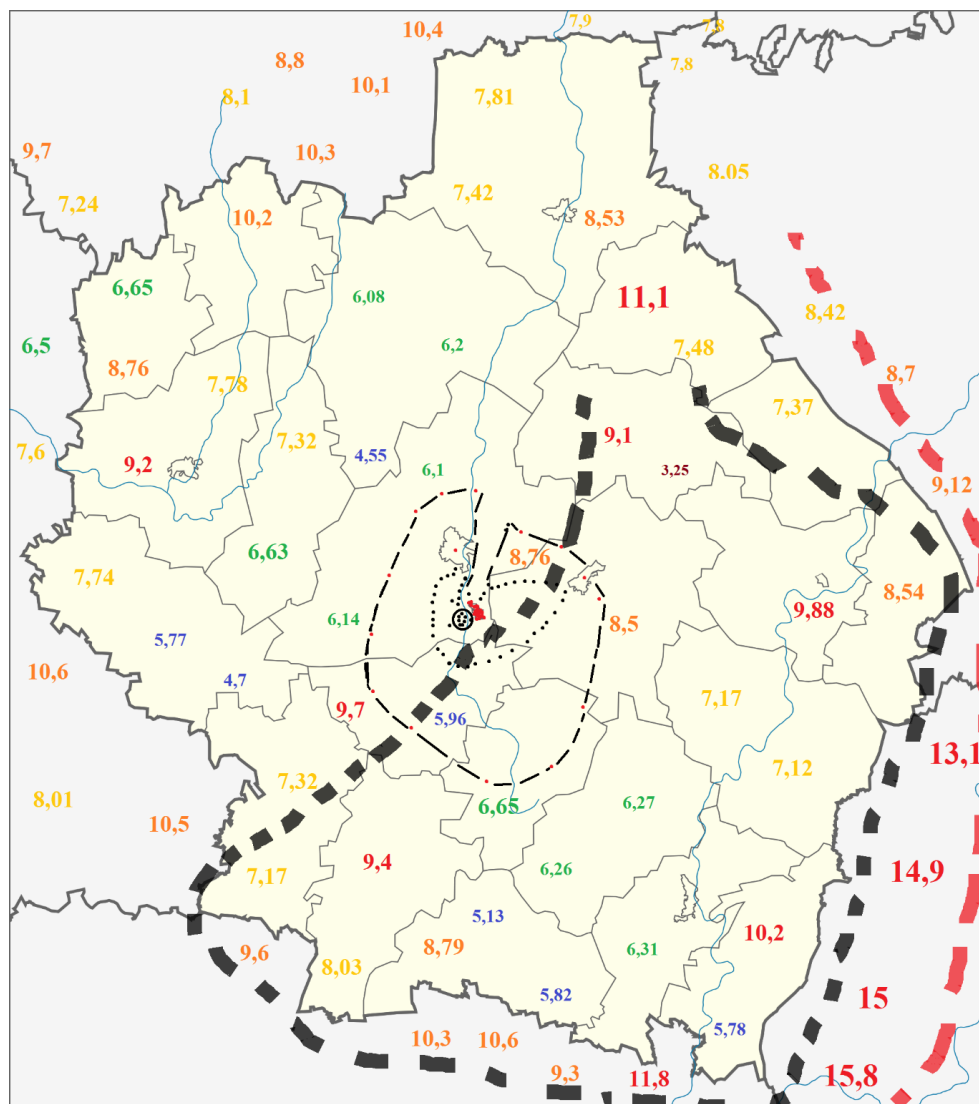

Рис. 8. «Офицерские» доли (% в призыве-потерях ВОВ) в сельских р-нах Тамбовской области и в прилегающих р-нах соседних областей – демонстрация корреляции степеней исходной социальной агрессии сельских районов ТО и соседних с ней районов и степеней социального поражения в ходе и после восстания. Потому демо-географическая сердцевина «демографического мешка», ставшая ядром восстания и театром боевых действий (б. Каменский, Ржаксинский, Сампурский, Инжавинский, Красивский, Туголуковский, Шпикуловский, Уваровский, Шапкинский, Мордовский, Шульгинский, Полетаевский, Покрово-Марфинский, Рассказовский (без г. Рассказово)) дала лишь от 5 до 8 % офицеров в призыве на ВОВ как канала реализации уже советской социальной активности. Напротив, весьма активные (в том числе и в «антоновщине»), но не пораженные сельские районы южной и юго-восточной периферии «мешка» дали в призыве ВОВ от 9,5 до 15,8 % офицеров, то есть в среднем вдвое больше

Fig. 8. “Officer” shares (% in World War II conscription-losses) in rural districts of the Tambov Region and in adjoining districts of neighboring regions – demonstration of the correlation of the degrees of initial social aggression in rural areas of Tambov Region and neighboring districts and the degree of social defeat during and after uprising. Therefore, the demogeographical core of the “demographic bag”, which became the core of the uprising and the theater of military operations (former Kamensky, Rzhaksinsky, Sampursky, Inzhavinsky, Krasivsky, Tugolukovsky, Shpikulovsky, Uvarovsky, Shapkinsky, Mordovsky, Shulginsky, Poletaevsky, Pokrovo-Marfinsky, Rasskazovsky (without the town of Rasskazovo)) gave only 5 to 8 % of the officers in the draft for the Second World War as a channel for the implementation of the already Soviet social activity. On the contrary, very active (including in the “Antonovshchina”), but not affected rural areas of the southern and southeastern periphery of the “bag” gave in the World War II draft from 9,5 to 15,8 % of officers, that is, on average, twice as many

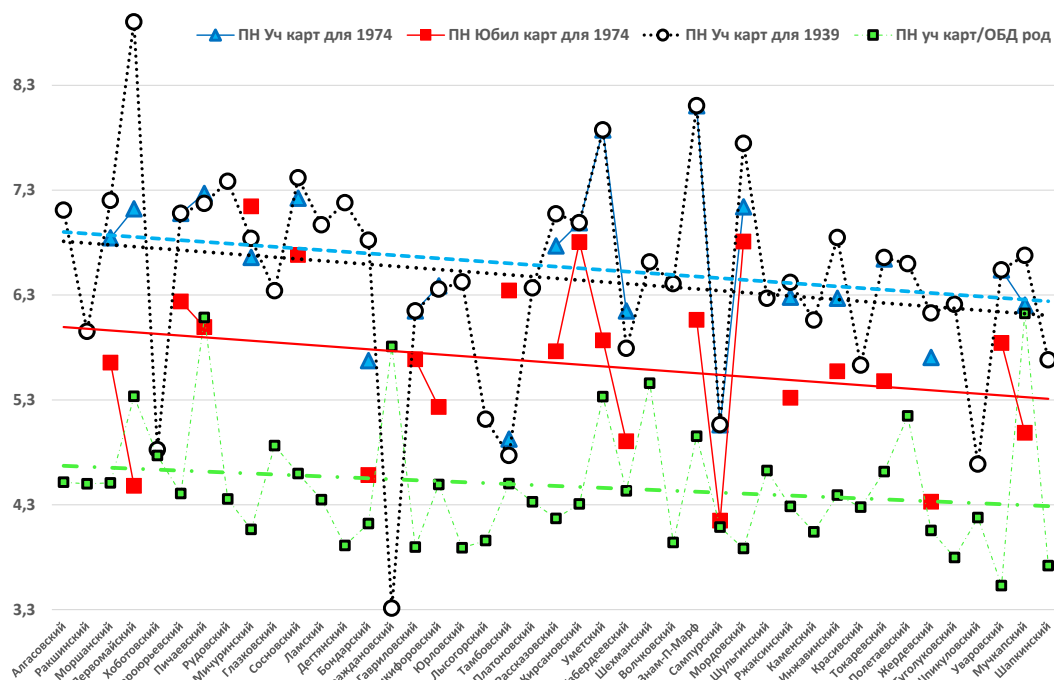

Рис. 9. Индексы награждения уроженцев субрегионов в движении «города – север – юг ТО»
 Fig. 9. Indices of rewarding natives of sub-regions in the movement “cities – north – south Tambov Region”

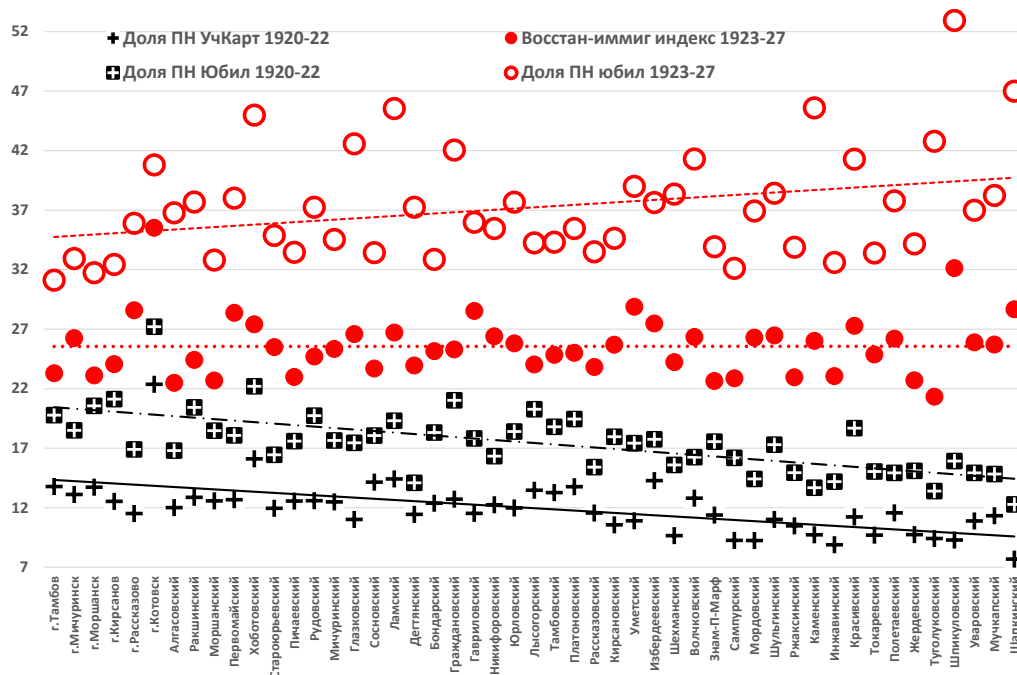

Рис. 10. Движение «города – север – юг ТО» долей лет «антоновщины» (1920–1922 гг.) и долей лет демографической компенсации (1923–1927 гг.) как долей лет рождения в числе награжденных ветеранов ВОВ 1885–1927 гг. рождения

Fig. 10. The movement “cities – north – south of Tambov Region” in fractions of years of “Antonovshchina” (1920–1922) and shares of years of demographic compensation (1923–1927) as shares of years of birth among the awarded veterans 1885–1927 year of birth of the Great Patriotic War

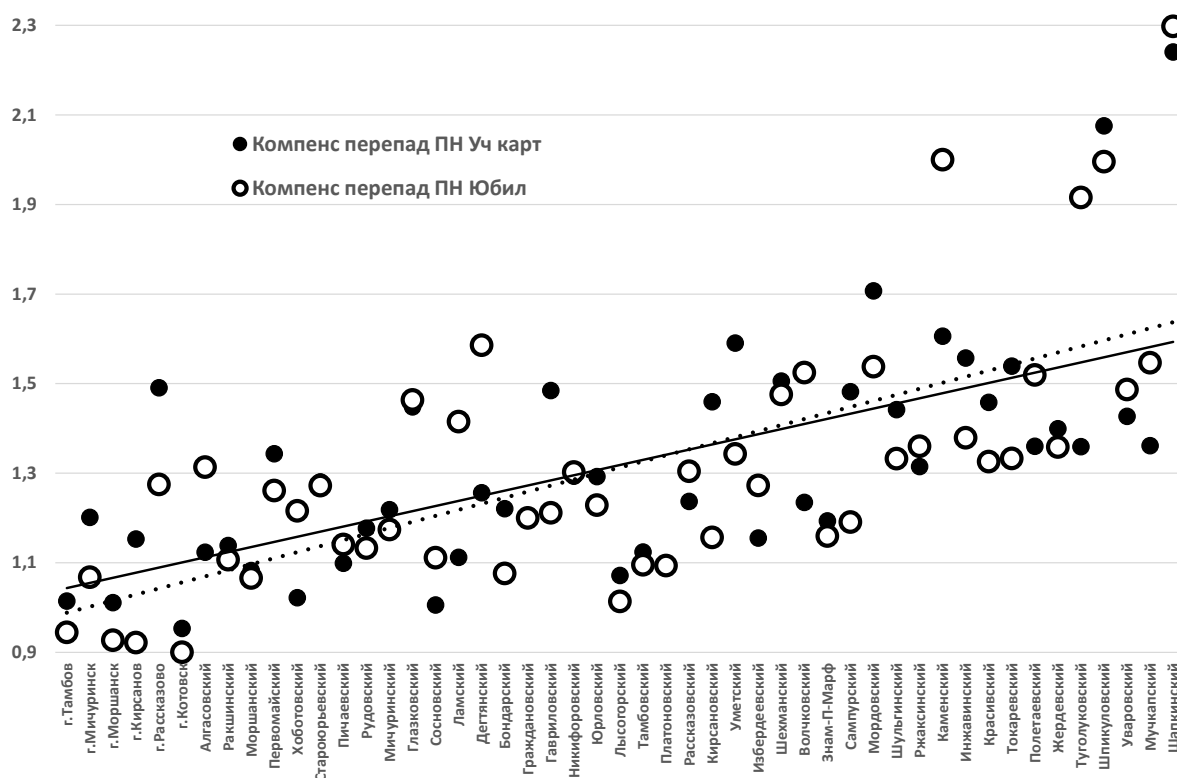

Рис. 11. Движение «города – север – юг ТО» компенсаторного перепада «число родившихся в 1923–1927 гг. / число родившихся в 1920–1922 гг.» среди награжденных уроженцев субрегионов ТО

Fig. 11. The movement “cities – north – south of Tambov Region” compensatory difference “the number of births in 1923–1927 / number of births in 1920–1922” among the awarded natives of the Tambov Region sub-regions

города ТО – 12,6/18, то есть участие в восстании и с последующим подавлением мятежных субрегионов увеличило на 20–26,5 % их общие и без того повышенные потери в Гражданской войне.

Отдаленные комплексные эффекты рождения и жизни в зоне восстания, подавления и социального поражения мятежных регионов. О чем говорят нам цифры в табл. 3? В первой колонке даны доли погибших среди тех, кто родился в том или ином сельском районе ТО и был призван в РККА как «своим» РВК, так и за пределами родного района и ТО (например, родился в Ржаксе – призван в Москве). В колонке справа даны доли потерь среди тех, кто на момент призыва в РККА проживал в том или ином сельском районе ТО, включая как уроженцев района, так и довоенных иммигран-

тов (например, родился в тогдашнем райцентре Туголуково, но призван в РККА Жердевским РВК).

Очевидно, что при общем тамбовском деревенском происхождении безвозвратные потери (гибель) на ВОВ среди уроженцев и (или) жителей «антоновских» районов ТО намного – на 31–38 % – больше, чем в тех же категориях призывников из «не антоновских» мест. За данный гибельный перекося отвечает комплекс социального поражения мятежных зон (лишение прав, высылка и иные репрессии, худший доступ к образованию и культуре и меньшие карьерные возможности, учет политической полицией семейной антибольшевистской активности и т. п.), который обеспечивал наибольшую уязвимость, «виктимность» в 1941–1945 гг. солдат-выходцев из «антоновских» районов.

Таблица 3

Доли (%) погибших уроженцев и жителей тамбовских субрегионов в призыве на ВОВ в нынешних сельских районах ТО. Левые колонки – доли погибших советских солдат-уроженцев сельских субрегионов в числе призванных в РККА военкоматами родных районов Тамбовской области (совр. адм.-терр. деление), правые – доли погибших мужчин-жителей сельского района на момент призыва в общем числе призванных в том же районе

Table 3

Shares (%) of the dead natives and residents of the Tambov sub-regions in the conscription for the World War II in the current rural areas of Tambov Region. The left columns are the shares of the dead Soviet soldiers-natives of rural sub-regions, including those called up in the Red Army by the military enlistment offices of their native districts of the Tambov Region (modern administrative-territorial division), the right columns are the shares of the dead male residents of the rural area at the time of the call-up in the total number of those called up, including the same area

Группы районов ТО, административное деление 1974 г.	Доля (%) погибших уроженцев в призыве на ВОВ	Доля (%) погибших мужчин р-на в призыве р-на на ВОВ
«Антоновские» р-ны – 24 р-на 1939 г.	58,2	70,1
«Не антоновские» р-ны – 19 р-нов 1939 г.	44,4	50,9

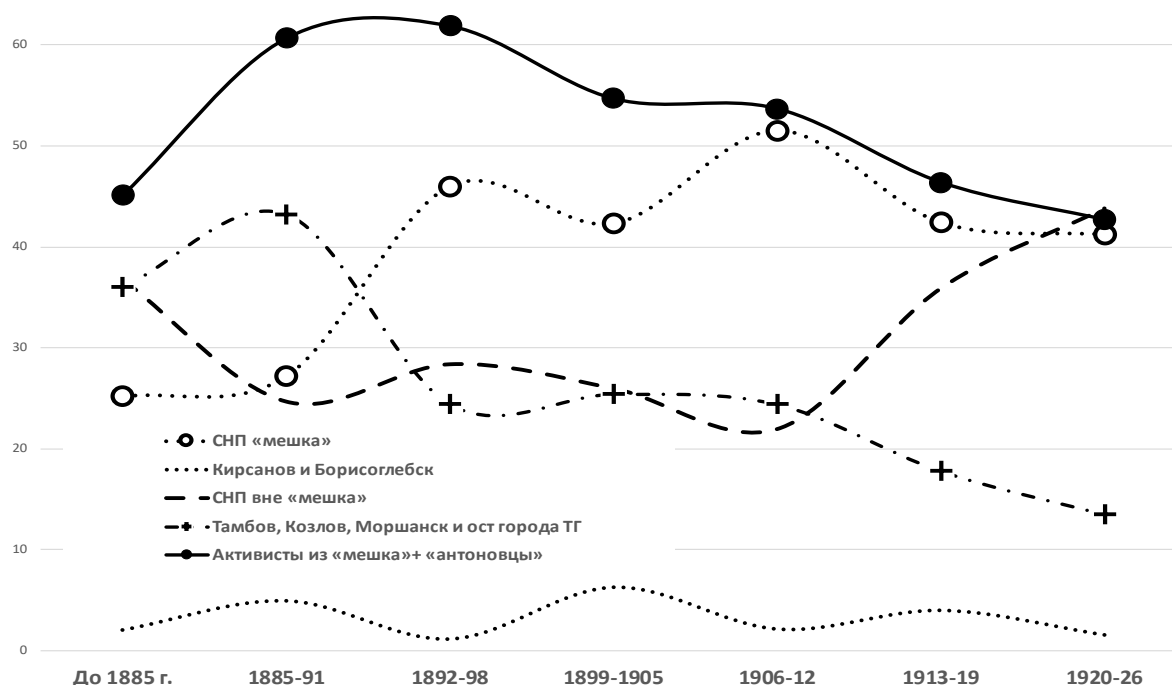

Рис. 13. Движение зон происхождения социальных активистов по 7-летиям рождения – Тамбовская губ., % зоны рождения. Источник: ЭБД активистов крестьянского антигосударственного протеста в начале XX века и ЭБД выдающихся уроженцев Тамбовского края (всего около 6 тыс. персоналий) [2; 3]

Fig. 13. Movement of the zones of origin of social activists by 7th birth anniversary – Tambov Governorate, % of the zone of birth. Source: electronic database of activists of the peasant anti-state protest in the early 20th century and electronic database of outstanding natives of the Tambov territory (about 6 thousand people in total) [2; 3]

На рис. 13 показано, как в 7-летиях до 1913 г. рождения «активистская производительность» СНП внутри «демографического мешка» нарастает до 2,5-кратного преимущества над СНП вне «мешка». Но попадание когорт из мятежного «мешка» 1913–1926 гг. рождения в комплекс социального поражения в наказание за вооруженный антибольшевистский протест результировало в снижении «производства» советских активистов с уступкой в когорте 1920–1926 гг. 1-го места СНП вне «мешка». Показательно и типично, что роль городов Тамбовской губернии, как «яслей социальных активистов», снизилась за полвека более, чем в 3 раза.

Мелкие цифры на рис. 14 означают субрегиональные индексы награждения уроженцев городов и районов за подвиги и иное достойное воинское поведение в ВОВ. Районы взяты в административно-территориальном делении 1939 г., награждения – из учетной картотеки ОБД «Подвиг народа», то есть совершенные в 1940-е гг. Индекс награждения исчислен как доля числа награжденных уроженцев субрегиона (сельского р-на, города) в его населении 1939 г. Таким образом, за меньшими индексами опосредованно стоит большее межвоенное социальное поражение популяции субрегиона.

Крупные цифры означают соотношение числа награжденных в юбилейной картотеке ОБД «Подвиг народа» уроженцев субрегионов в делении 1974 г. к числу награжденных в учетной картотеке. Юбилейная картотека ПН содержит сведения о ветеранах ВОВ, награжденных в 1985 г. орденами Отечественной войны, потому за индексом «уч. карт/юбил. карт» при всех «возмущениях» в юбилейной картотеке (кратный рост доли награжденных женщин, появление заметной доли ветеранов, не получивших награды в годы войны, кратно большая доля самых юных участников ВОВ 1926–1927 гг. рождения) опосредованно стоит степень дожития до 1985 г. ветеранов-ровесников из разных субрегионов. Потому за меньшими индексами дожития стоит синергизм сокращения жизни, включающий худшие условия

внутриутробного периода, рождения, детства, юности, жизни на войне и после нее.

Отдельное внимание обратите на отраженный в описанных индексах «казус Котовска»¹.

Восходящие при движении «север Тамбовщины – юг Тамбовщины» тренды демографической компенсации после Гражданской войны выглядят достаточно парадоксально – ведь намного больший демографический урон 1920–1922 гг. (утрата большей, чем в центре и на севере, части молодого плодovитого сегмента и больший половозрастной дисбаланс) в южных субрегионах должен был сильнее подорвать компенсаторный потенциал их популяций. Тем не менее по районные индексы «1923–27/1920–22» и тренды налицо... Рискнуем (не без прямых и косвенных «улик») выдвинуть «виновником» сего парадокса синергическую связку из двух конкретно-исторических факторов.

Первый из них – эффект взрывного «улучшения породы» (включая скачок естественной плодovитости) в первых десятилетиях жизни СНП, сложившихся из активных молодых иммигрантов из разных мест. А популяции на юге Тамбовщины были в то время именно такими.

Второй фактор их повышенной компенсации типологически однороден с первым (раскрытие и смешивание локальных популяций), но чрезвычайен по происхождению и кратковременности действия. За два года развития и подавления «антоновщины» в зоне восстания, помимо перемещений десятков

¹ Явление улучшения качества популяции, снижения и «перенацеливания» накопившейся крестьянской агрессии в перенаселенных аграрных регионах, «демографических мешках». Вскрыто В.Л. Дьячковым на примере Тамбовского порохового завода (г. Котовск), основанного в 1914 г. в 20 км к югу от Тамбова в зоне тамбовского «демографического мешка». Популяция стремительно росшего ТПЗ была смешанной и на 3/4 состояла из наиболее активных и молодых крестьян из СНП в округе радиусом в 30–40 км. Сброс наиболее агрессивных частей деревенских микропопуляций в лучшую городскую жизнь оказался настолько эффективным, что питавшая ТПЗ крестьянская округа не только не приняла участия в «зеленом» протесте, но и приобрела в событиях 1917–1921 гг. очевидный «красный» оттенок.

тысяч «родных» повстанцев-бандитов, прошли ротацию не менее 200 тыс. красноармейцев со всех регионов бывшей Российской империи и даже из-за границы (только на середину сентября 1921 г. в Тамбовской губернии находилось 130 тыс. военнослужащих РККА, ВОХР, ВНУС и ВЧК). Эта масса молодых мужчин, в общении с которыми не было непреодолимых психологических и юридических барьеров, не могла не оставить своего положительного демографического следа. Жаль только, что, памятуя древнеримское: “*Mater semper certa; pater est quem nuptiae demonstrant*”, мы не можем его точно высчитать и показать, хотя бы так, как сделано в случае с военнопленными Первой мировой войны [4, с. 33-34].

Антропометрическое и антропологическое наследие больших войн. На рис. 15–18б отражен социоестественный синергизм эндогенных и экзогенных факторов, регулирующих средний рост русских мужчин различных региональных популяций. В «гладком» мирном, сытом и здоровом времени доминировали эндогенные природные факторы: географическая широта, природные условия и связанная с ними благоприятность среды обитания, а также «улучшение породы» к циклическим фазам сброса демографического давления в популяциях, выражавшееся, в том числе в циклических подъемах среднего роста каждые 28 лет.

Каждый тяжелый год (даже сезон!) рождения (неурожай, недоедание и голод, эпидемия и связанные с ними стресс матери и ребенка) отзывался «точечным» сниженным средним ростом потомства. Большая и длительная война, как сильнейший синергизм подавления популяции, делала трендом снижение будущего среднего роста родившихся в такие периоды. Региональные сельские популяции, хлебнувшие в 1918–1922 гг. этого горя больше и дольше других, неизменно отмечены более крутым последовательным падением роста в когортах тех лет рождения, продолженным факторами попадания юных под последовательные удары социального поражения, межвоенных эпидемий и голодо-

вок, коллективизации, репрессий и, наконец, социальной катастрофы ВОВ [5].

На рис. 18а–18б показано, как под воздействием «антоновщины» и ее последствий средний рост тамбовских уроженцев, начиная с 1919 г. рождения, по нарастающей проигрывает росту их ровесников из других регионов.

На рис. 19а–19б показан «антропометрический» итоговый проигрыш под воздействием «антоновщины» более «породистых» и жизнестойких популяций «мешка» Тамбовщины ее ослабленной повышенной эмиграцией, но не мятежной части вне «мешка».

Сравнительная жизнестойкость представителей тамбовских субрегиональных популяций может быть показана маркировкой долями числа умерших от болезней (УоБ) в безвозвратных армейских потерях в годы Великой Отечественной войны. Так, доли УоБ в субрегионах тамбовского «мешка» (он же – зона «антоновщины» как реализации повышенной социальной агрессии) составили в числе погибших уроженцев агрегированные 0,98 %, а в числе призывников – лишь 0,85 %, отразив большую жизнестойкость молодых иммигрантских включений. В остальных же тамбовских субрегионах, включая города, доли УоБ среди погибших уроженцев и погибших призывников составили соответственно 1,42 и 1,37 %, то есть жизнестойкость красноармейцев 1885–1927 гг. рождения, родившихся или призванных в РККА в субрегионах тамбовского «мешка», маркированная по УоБ, была в полтора раза (!) выше.

Наконец, на рис. 20–21 показано сравнительное движение средней продолжительности жизни ветеранов ВОВ, родившихся на отрезке 1885–1929 гг. в сельских районах трех регионов России (Тамбовская обл., Смоленская обл., Татарстан). Замечательная (для науки!) общность падения сроков жизни у данной категории российских мужчин объяснима, прежде всего, смертно-стрессовым комплексом ВОВ, под «каток» которого попадали все более молодые, неокрепшие когорты армейского призыва. Но той же ВОВ

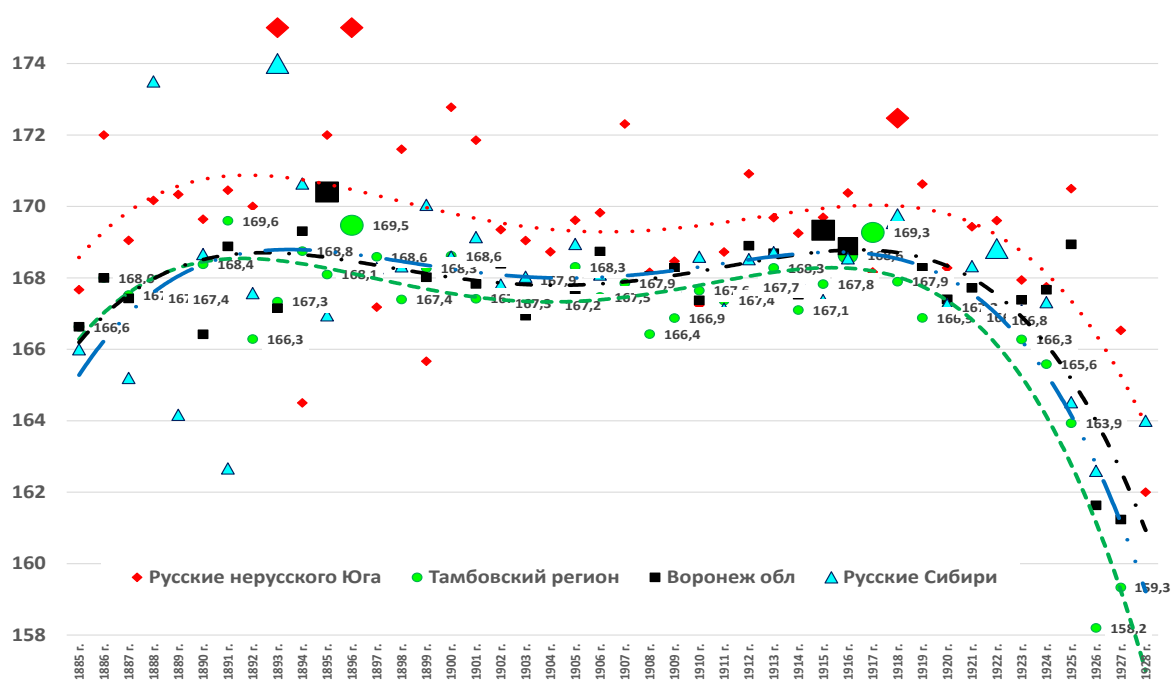

Рис. 15. Движение среднего роста русских уроженцев регионов России, 1885–1928 гг. рожд.
Fig. 15. The movement of the average growth of Russian natives of the regions of Russia, 1885–1928 year of birth

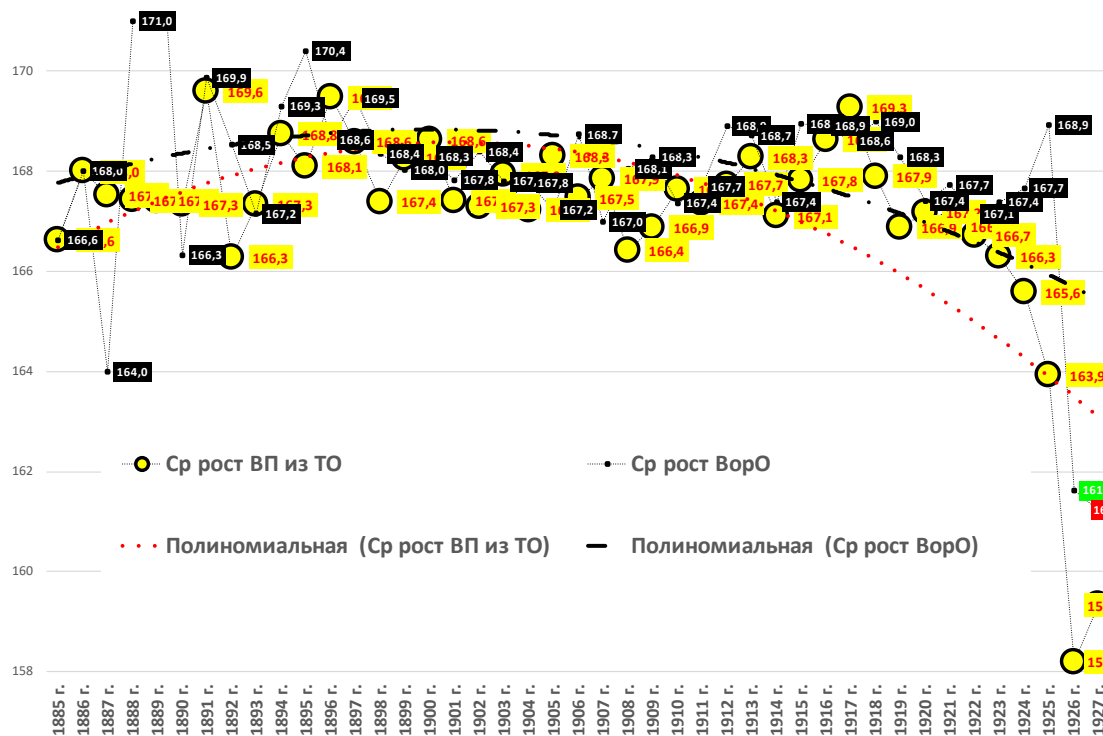

Рис. 16. Движение среднего роста красноармейцев-уроженцев Тамбовской и Воронежской областей в границах 1939 г. [6]

Fig. 16. The movement of the average growth of the Red Army natives of the Tambov and Voronezh Regions within the borders of 1939 [6]

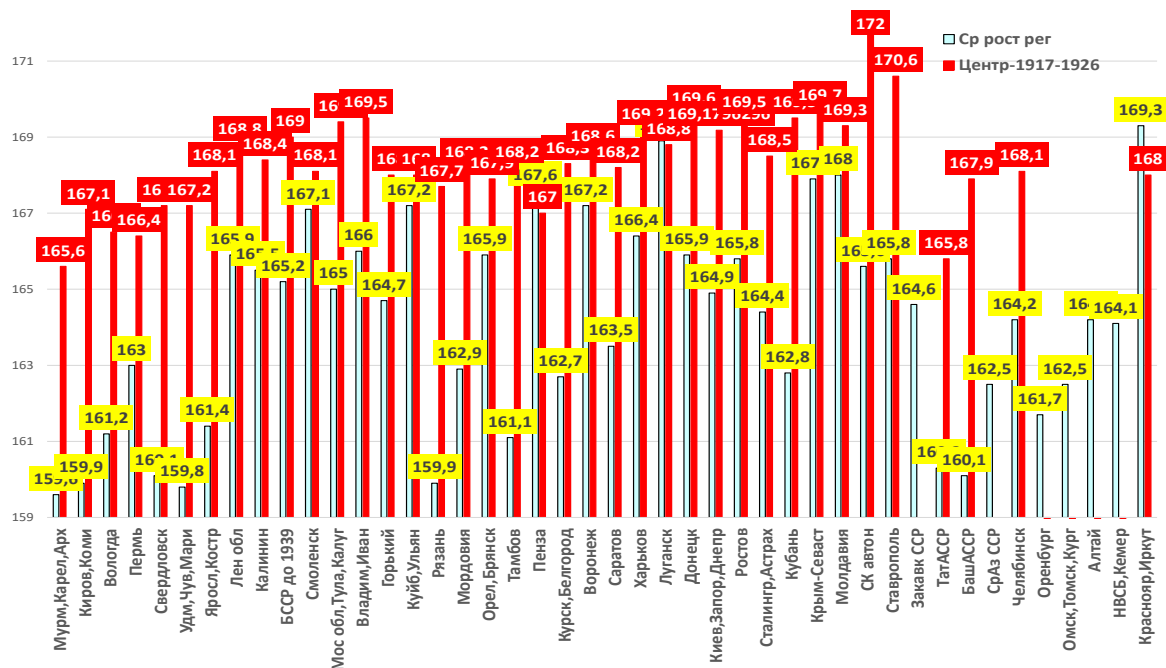

Рис. 17. Средний рост уроженцев городских центров и их сельских округ в движении Север-Юг; 1917–1926 гг. рожд.
 Fig. 17. Average growth of natives of urban centers and their rural districts in the North-South movement; 1917–1926 year of birth

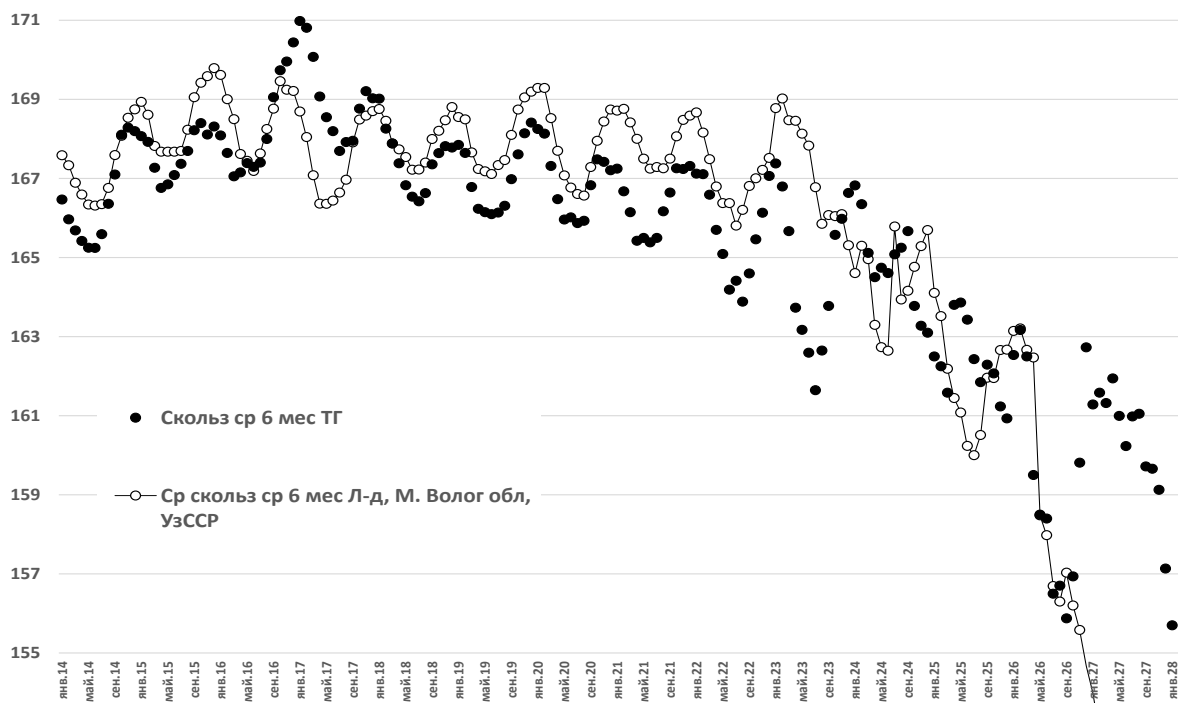

Рис. 18а. Сравнительное движение по месяцам рождения среднего роста уроженцев 5 регионов России–СССР; янв. 1914 – янв. 1928 г. рожд.; агрегация трендов
 Fig. 18а. Comparative movement by months of birth of the average height of natives of 5 regions of Russia – USSR; Jan 1914 – Jan. 1928 year of birth; aggregation of trends

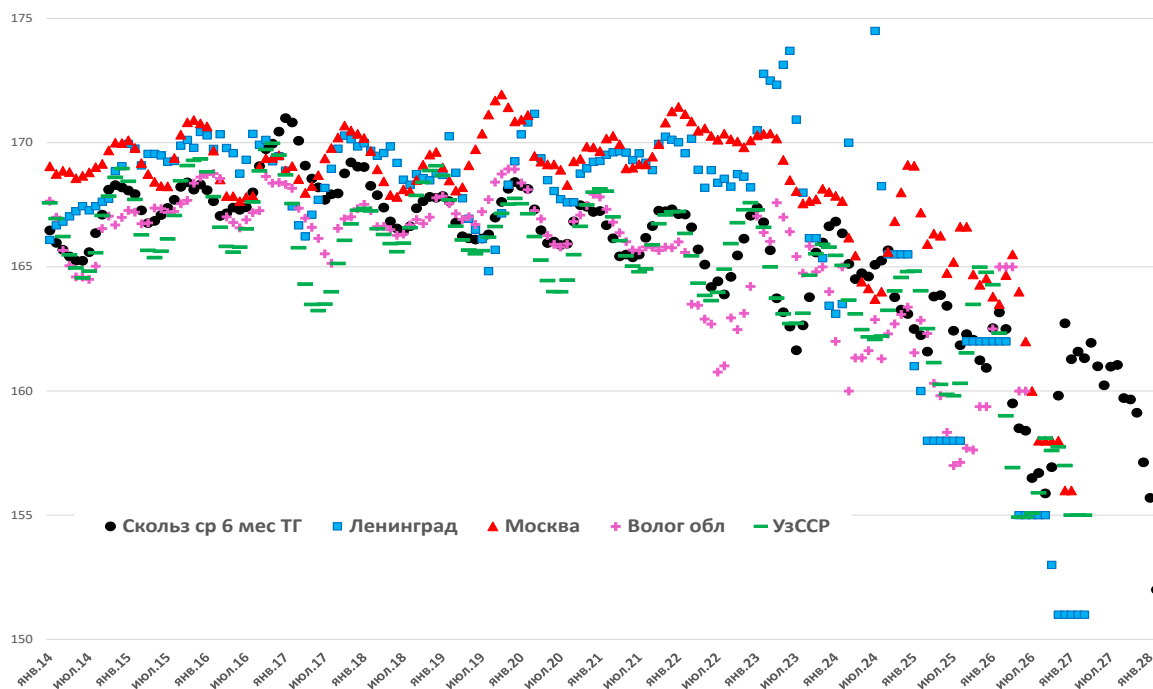

Рис. 18б. Сравнительное движение по месяцам рождения среднего роста уроженцев 5 регионов России–СССР; янв. 1914 – янв. 1928 г. рожд.

Fig. 18b. Comparative movement by months of birth of the average growth of natives of 5 regions of Russia – USSR; Jan 1914 – Jan. 1928 year of birth

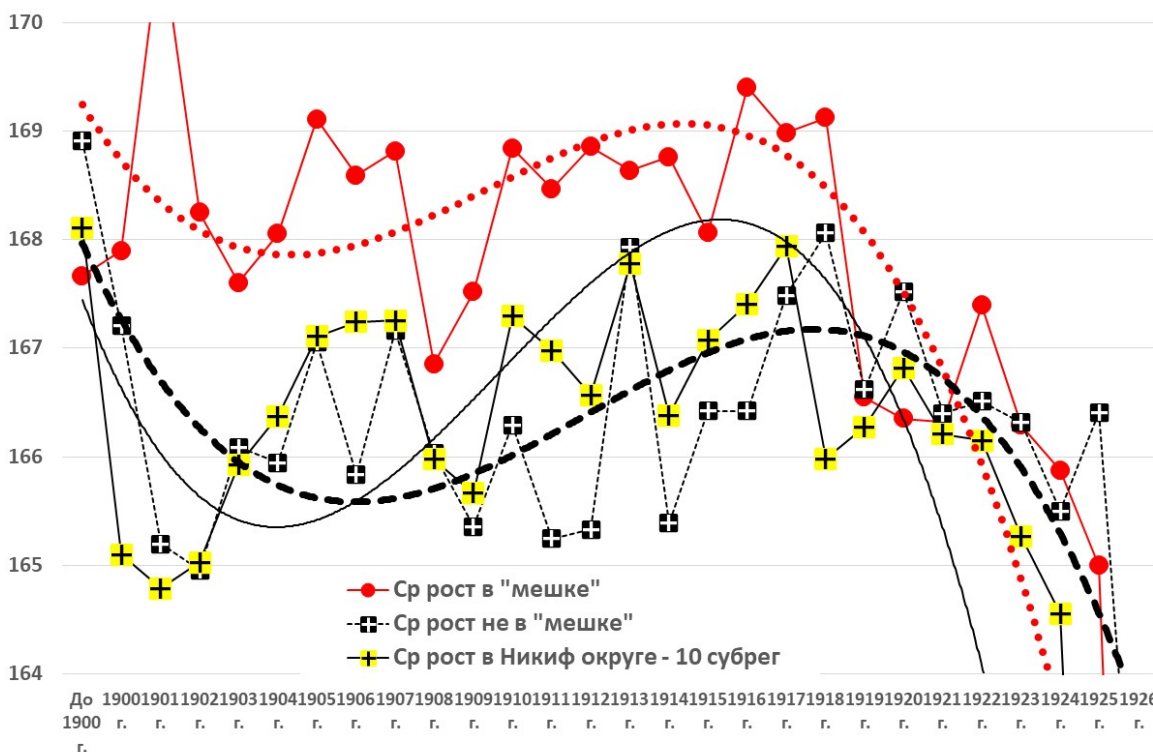

Рис. 19а. Плата за агрессию: средний рост уроженцев зон ТГ

Fig. 19a. Aggression fee: average growth of natives of Tambov Governorate zones

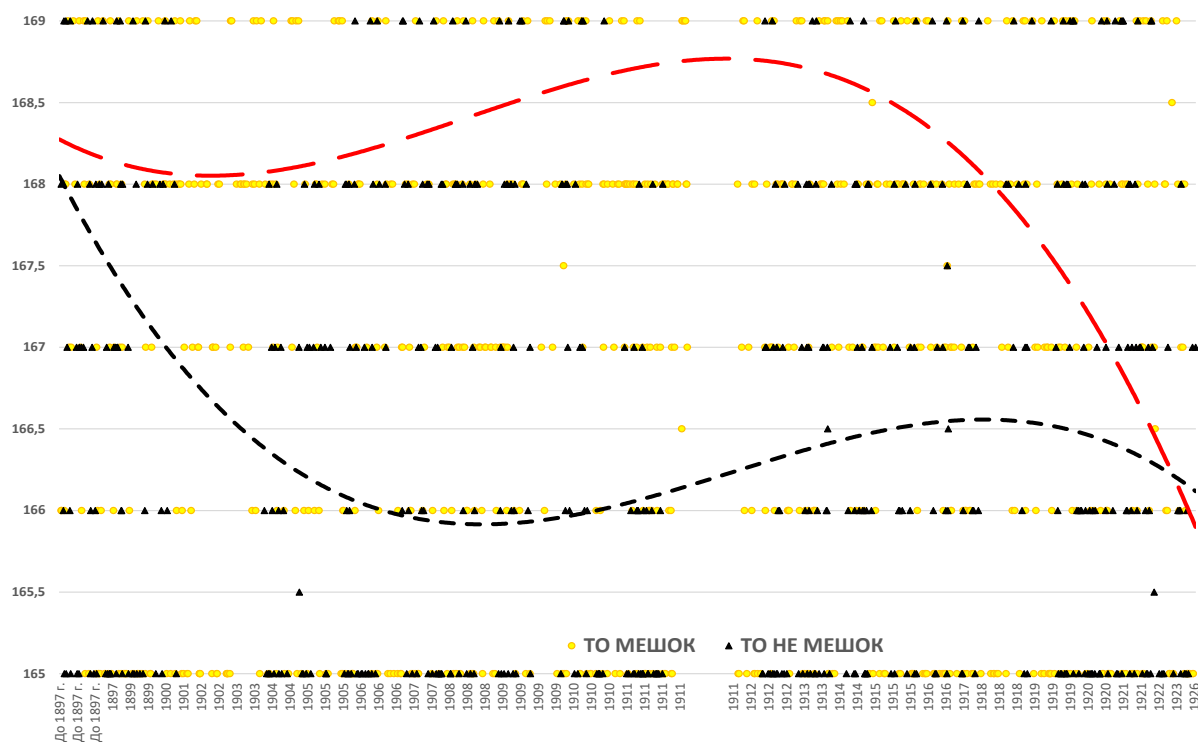

Рис. 19б. Плата за агрессию: средний рост уроженцев зон ТГ
 Fig. 19b. Aggression fee: average growth of natives of Tambov Governorate zones

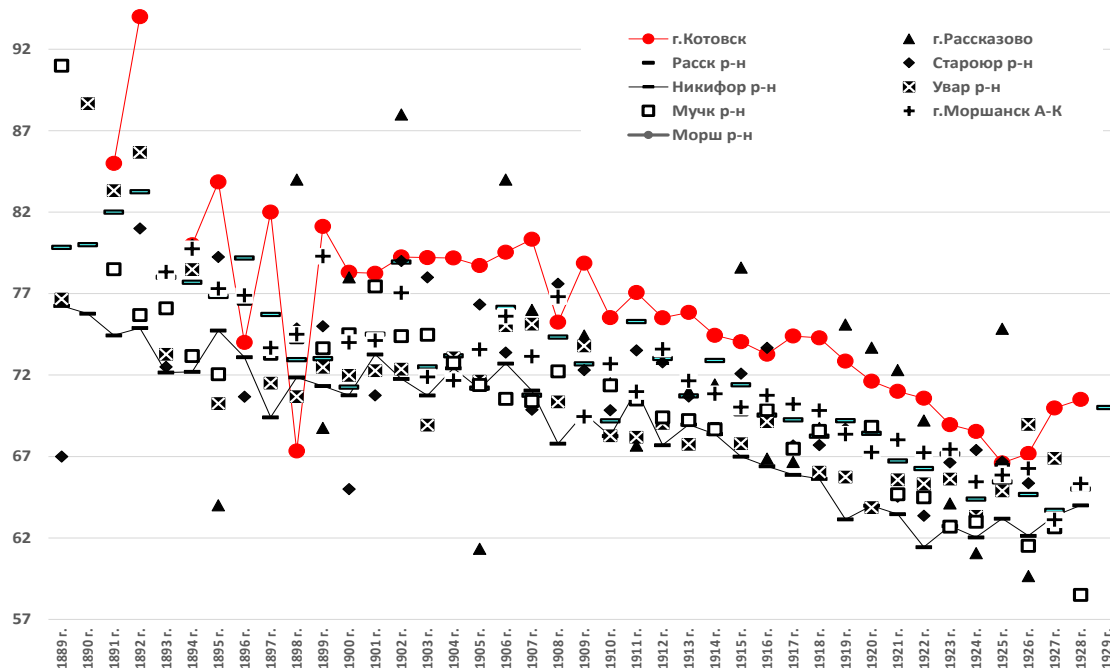

Рис. 20. Движение средней продолжительности жизни мужчин-ветеранов ВОВ – субрегионы Тамбовской обл. [7]
 Fig. 20. Movement of the average life expectancy of male veterans of the Great Patriotic War – sub-regions of the Tambov Region. [7]

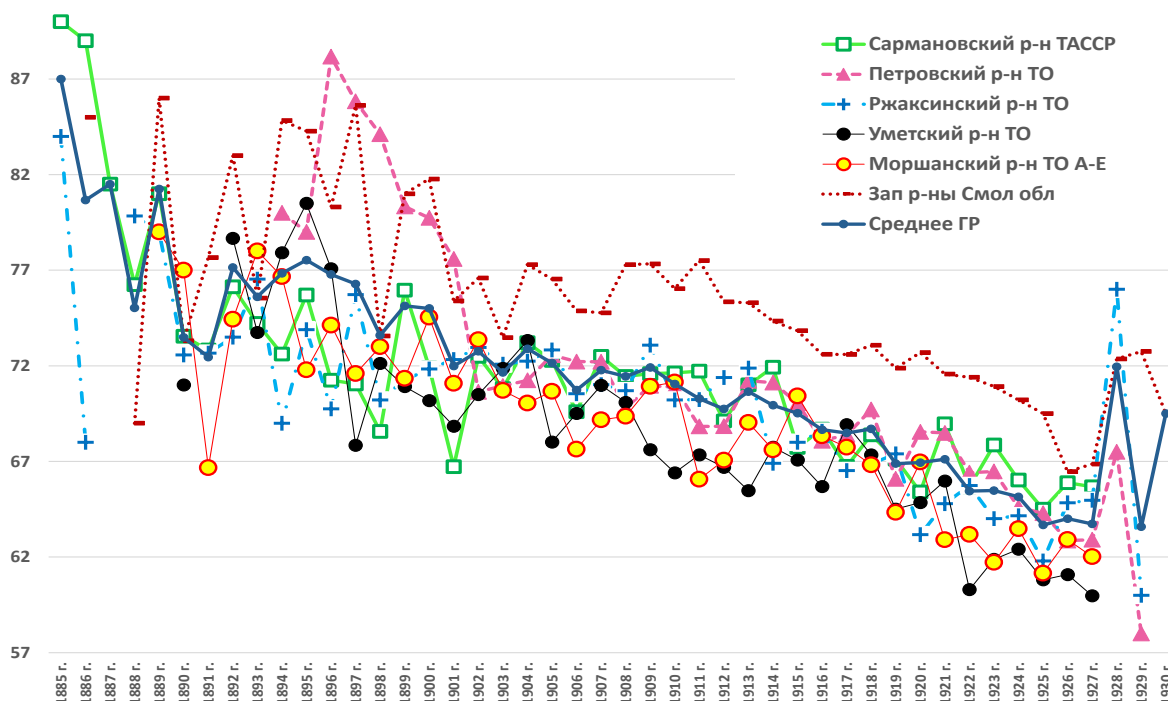

Рис. 21. Движение средней продолжительности жизни ветеранов ВОВ – 7 зап. р-нов Смоленской обл., 4 р-на Тамбовской обл. и Сармановский р-н ТатАССР

Fig. 21. The movement of the average life expectancy of veterans of the Great Patriotic War – 7 districts of the Smolensk Region, 4 districts of the Tambov Region and Sarmanovskiy District of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic

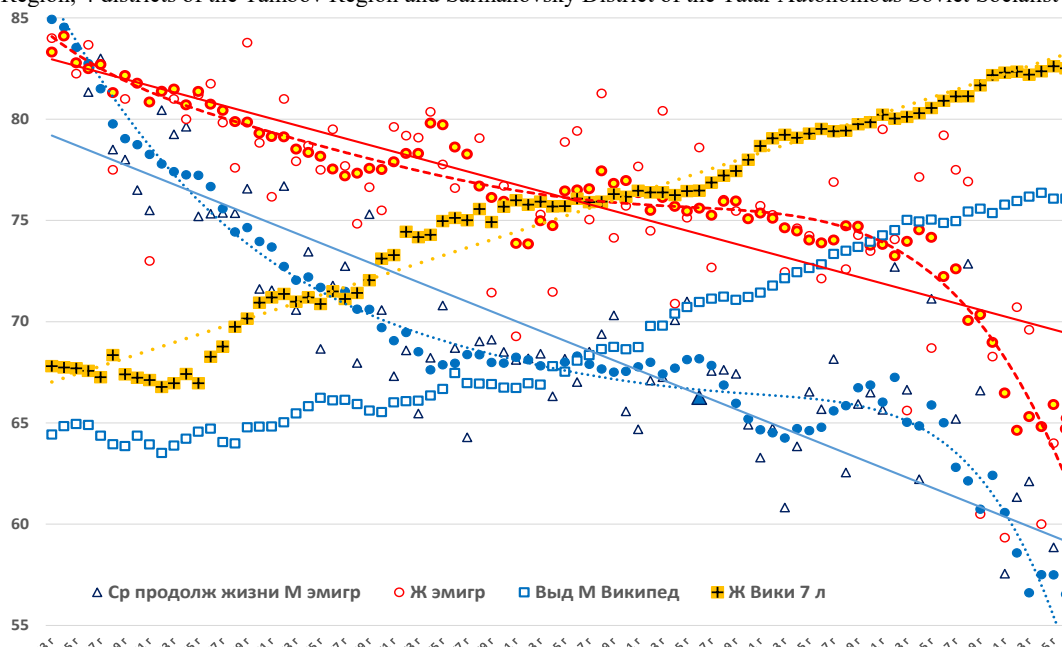

Рис. 22. Движение средней продолжительности жизни при ненасильственной смерти мужчин и женщин Википедии и русской «белой» эмиграции 1843–1926 гг. рожд.

Fig. 22. The movement of average life expectancy in the nonviolent death of men and women of Wikipedia and the Russian “white” emigration of 1843–1926 Year of birth

предшествовали все остальные удары по популяции, начиная с голодовок 1890-х гг., русско-японской войны и первой российской революции. И то, что в представленной выборке субрегиональных популяций Гражданская война с ее последствиями тяжелее всего досталась тамбовскому селу, сделало жизни наших ветеранов короче для всех отрезков рождения, чем у их смоленских и татарстанских ровесников.

Ну, а то, как активное участие в Гражданской войне с последующим оставлением Родины укорачивало жизни выжившей «белой» части ее спектра, показано на рис. 22 [8].

Вместо заключения.

Дорогие читатели!

Позвольте сделать некую «закольцовку» идеи и исторического объективного материала, предложенных вашему вниманию. В последнее время промежуточную победу одержало мнение, что фаза крестьянского антигосударственного протеста против большевиков, включая нашу «антоновщину», обеспечена *справедливой борьбой трудящихся крестьян, отстаивавших свой мир от посягательств извне*, со стороны города и нового государства.

Новейшие исследования на непрерывных длинных рядах комплексной исторической информации (часть результатов представлена в данном исследовании) говорят, что в действительности и по системным итогам с крестьянством «дело было» парадоксально не так, как кажется в первом приближении.

Если представить сложнейший подвижный социоестественный синергизм русского крестьянского мира конца XIX – начала XX века в виде гигантского многослойного сферического «взрывного устройства», то

поймем следующее. Нагнетавшееся по экспоненте демографическое давление с синергическим усилением российскими «старыми» и «новыми», но одинаково нерешаемыми с момента их возникновения, «вопросами» с ускорением двигали «бомбу-слодку» крестьянской традиции к неминуемому взрыву. На его начальной стадии в состоянии высокой агрессии приходили ее верхние слои (активнейший сегмент молодой части крестьянства в отличие от менее агрессивного ядра из старших возрастов, более приверженных традиции), разлетаясь с развитием индуцирующего взрыва как вовне (в мир города и государства), так и внутрь традиционной деревни. Этот массовый человеческий материал как обломки крестьянского мира, заряженные энергией социоестественного взрыва, и станет наполнением тогдашних военно-революционных социальных, политических, культурных, психологических процессов, окажется человеческой доминантой как постреволюционного города, так и большевистского государства, победившего в Гражданской войне.

Предлагаемый взгляд позволяет понять, что погубитель мира крестьянской традиции и самого крестьянства рождался не вовне, а в нем самом. Выброшенные социоестественным взрывом из крестьянского мира его пассивные ликвидаторы вернулись к нему революционными военными, государственными служащими, городскими рабочими и мещанами, партийными функционерами, идя в обнимку с индуцированными агрессией представителями «старой» социальной элиты как поставщиками оформленной идеологии и организации уничтожения традиционного крестьянства, марксистско-ленинского решения русского аграрного вопроса.

Список литературы

1. Дьячков В.Л. «Антоновщина»: Актуальность методологических споров 2007 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Изд-во «Грамота», 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 27-32.
2. Дьячков В.Л. Электронная база данных «Вожаки и участники крестьянских выступлений 1880-х – 1921 гг.»: структура и исследовательские возможности // Революция и бунт в российской истории: материалы Всерос. науч. конф. М., 2017. С. 183-190.

3. Дьячков В.Л. Маркеры социальной активности (агрессии) в движении «популяции» преподавателей ТГПИ – ТГУ // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: 7 Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию революционных событий 1917 года и 80-летию Тамбовской области. Тамбов, 2017. С. 43-50
4. Дьячков В.Л., Щербинин П.П. Армия и военный фактор в демографическом поведении населения Тамбовского региона в XVIII–XX веках. Тамбов, 2019.
5. Дьячков В.Л. Методология, методика поиска и некоторые важные результаты изучения социоестественного синергизма российских демографических процессов XX в. // Российская провинция сквозь призму сословно-правовых, этноконфессиональных, социокультурных, медико-социальных и демографических коллизий в XVIII–XXI вв.: сб. ст. участников Междунар. науч. конф. Тамбов, 2019. С. 49-73.
6. Дьячков В.Л. Расплата (не по А.В. Стрыгину) // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: материалы 8 Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию событий Гражданской войны в России: трагедии и драмы выбора исторического пути развития. Тамбов, 2018. С. 12-20.
7. Дьячков В.Л. Из недавних открытий – большая война как «порча человеческой породы» // Российская провинция сквозь призму сословно-правовых, этноконфессиональных, социокультурных, медико-социальных и демографических коллизий в XVIII–XXI вв.: сб. ст. участников Междунар. науч. конф. Тамбов, 2019. С. 110-116.
8. Дьячков В.Л. Большая война и люди: демографические и антропометрические слагаемые разрушения популяции // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: материалы 10 Всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Тамбов, 2020. С. 23-32.

References

1. Dyachkov V.L. «Antonovshchina»: Aktual'nost' metodologicheskikh sporov 2007 goda [Relevance of methodological disputes in 2007]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 6 (80), pt 2, pp. 27-32. (In Russian).
2. Dyachkov V.L. Elektronnaya baza dannykh «Vozhaki i uchastniki krest'yanskikh vystupleniy 1880-kh – 1921 gg.»: struktura i issledovatel'skiye vozmozhnosti [Electronic database “Leaders and participants of peasant uprisings of the 1880s – 1921”: structure and research opportunities]. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Revolutsiya i bunt v rossiyskoy istorii»* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference “Revolution and revolt in Russian history”]. Moscow, 2017, pp. 183-190. (In Russian).
3. Dyachkov V.L. Markery sotsial'noy aktivnosti (agressii) v dvizhenii «populyatsii» prepodavateley TGPI – TGU [Markers of social activity (aggression) in the movement of the “population” of lecturers of Taganrog Institute named after A.P. Chekhov – Derzhavin Tambov State University]. *7 Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu revolyutsionnykh sobytiy 1917 goda i 80-letiyu Tambovskoy oblasti «Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem»* [Proceedings of the 7th All-Russian Scientific Conference, Dedicated to 100th Anniversary of the Revolutionary Events of 1917 and the 80th Anniversary of the Tambov Region “Tambov in the Past, Present and Future”]. Tambov, 2017, pp. 43-50. (In Russian).
4. Dyachkov V.L., Shcherbinin P.P. *Armiya i voyennyi faktor v demograficheskom povedenii naseleniya Tambovskogo regiona v XVIII–XX vekakh* [Army and the Military Factor in the Demographic Behavior of the Population of the Tambov Region in the 18th–20th Centuries]. Tambov, 2019. (In Russian).
5. Dyachkov V.L. Metodologiya, metodika poiska i nekotoryye vazhnyye rezul'taty izucheniya sotsioyestvennogo sinergizma rossiyskikh demograficheskikh protsessov XX v. [Methodology, search technique and some important results of studying the socio-natural synergy of Russian demographic processes in the 20th century]. *Sbornik statey uchastnikov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Rossiyskaya provintsiya skvoz' prizmu soslovno-pravovykh, etnokonfessional'nykh, sotsiokul'turnykh, mediko-sotsial'nykh i demograficheskikh kolliziy v XVIII–XXI v.»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Russian Province through the Prism of Estate-Legal, Ethno-Confessional, Socio-Cultural, Medico-Social and Demographic Collisions in the 18th–19th Centuries”]. Tambov, 2019, pp. 49-73. (In Russian).
6. Dyachkov V.L. Rasplata (ne po A.V. Stryginu) [Reckoning (not according to A.V. Strygin)]. *Materialy 8 Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu sobytiy Grazhdanskoy voyny v Rossii:*

- tragedii i dramy vybora istoricheskogo puti razvitiya «Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem»* [Proceedings of the 8th All-Russian Scientific Conference, Dedicated to 100th Anniversary of the Events of the Civil War in Russia: Tragedies and Dramas of the Choice of the Historical Path of Development “Tambov in the Past, Present and Future”]. Tambov, 2018, pp. 12-20. (In Russian).
7. Dyachkov V.L. Iz nedavnikh otkrytiy – bol’shaya voyna kak «porcha chelovecheskoy porody» [From recent discoveries – a big war as a “spoilage of the human race”]. *Sbornik statey uchastnikov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Rossiyskaya provintsiya skvoz’ prizmu soslovno-pravovyykh, etnokonfessional’nykh, sotsiokul’turnykh, mediko-sotsial’nykh i demograficheskikh kolliziy v XVIII–XXI v.»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Russian Province through the Prism of Estate-Legal, Ethno-Confessional, Socio-Cultural, Medico-Social and Demo-Graphic Collisions in the 18th–19th Centuries”. Tambov, 2019, pp. 110-116. (In Russian).
 8. Dyachkov V.L. Bol’shaya voyna i lyudi: demograficheskiye i antropometricheskiye slagayemyye razrushe-niya populyatsii [Big war and people: demographic and anthropometric components of the destruction of the population]. *Materialy 10 Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voynе «Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem»* [Proceedings of the 10th All-Russian Scientific Conference, Dedicated to 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War “Tambov in the Past, Present and Future”]. Tambov, 2020, pp. 23-32. (In Russian).

Информация об авторе

Дьячков Владимир Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и российской истории, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, mayormp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3365-9111>

Статья поступила в редакцию 12.03.2021
Одобрена после рецензирования 22.04.2021
Принята к публикации 25.06.2021

Information about the author

Vladimir L. Dyachkov, Candidate of History, Associate Professor of General and Russian History Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, mayormp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3365-9111>

The article was submitted 12.03.2021
Approved after reviewing 22.04.2021
Accepted for publication 25.06.2021